

Сергей А. Пономаренко

Ключ к бессмертию

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17277745

Пономаренко С. Ключ к бессмертию : роман: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”»;

Харьков, Белгород; 2016

ISBN 978-617-12-0083-8, 978-5-9910-3416-6

Аннотация

Историк Василь изучает ведьмачество и оккультизм в Киевском университете, и его мало волнует то, что на дворе 1917 год, революция, гражданская война. Профессор Черен поручает ему разыскать магический трактат, якобы для того чтобы вернуть в тело своей молодой жены душу, украденную колдунами. Василь не подозревает, какова истинная цель профессора и что ради ее достижения он не остановится ни перед чем. Он видит невероятные сны о событиях, связанных с колдовской книгой, и о ней же говорится в романе его друга Дмитрия, действие которого происходит во времена Великой французской революции. С помощью этой книги можно обрести бессмертие! Занимаясь ее поисками, Василь переосмысливает свое отношение к происходящим событиям, пытается разобраться в своих чувствах и определить цену не только бессмертия, но и одной-единственной человеческой жизни.

Содержание

1	5
2	15
3	17
4	23
5	29
6	36
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Пономаренко

Ключ к бессмертию

Медиумизм – это род посредничества, при котором страдающий этим свойством человек должен стать агентом для связи между живым человеком и усопшим «духом»... Ни один совершенно здоровый человек на физическом или психическом плане никогда не может быть медиумом.

Е. Блаватская. Ключ к теософии

...с Ним ели и пили по воскресении Его из мертвых.
Деяния 10:41

Не тіло, а душа є людиною... І ніхто не може вбити в собі зло, коли не втямить спершу, що таке зло, а що добро.
Г. Сковорода

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Пономаренко С. А., 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

1

На трапециевидном холме расположился некогда грозный и неприступный Овручский замок. За триста лет существования замок пережил множество войн, осад, нашествий врагов, возрождаясь из пепла подобно бессмертному Фениксу. Но искусство войны ушло далеко вперед, и высокие крепостные стены и башни больше не служат надежной защитой при обстрелах вражеской артиллерии. Да и время неумолимо. Замок постепенно умирал, рушились его укрепления, мельчали рвы. В его уцелевших зданиях разместились администрация старосты – управляющего делами повета, и это дало новый толчок к росту местечка Овруч, раскинувшегося у подножия замка.

На старый деревянный мост, переброшенный через узенькую речку с заболоченными берегами, с тюркским названием Норин, въехала вереница повозок и всадников – богато украшенный рыдван¹, запряженный четверкой лошадей, две телеги с челядью и трое вооруженных слуг верхом на лошадях. Герб на карете сообщал, что в замок приехала вдова, Мария Людвика Ходкевич, урожденная Ржевусская, владелица многих земель и деревень по всей Речи Посполитой. Карета проехала через проем в башне, где некогда были ворота, снесенные во время последнего гайдамацкого восстания² и до сих пор не восстановленные. Встречать важную гостью вышел сам староста Ян Стецкий, высокий жилистый шляхтич с длинными пышными усами, концы которых достигали воротника кафтана. Староста подошел к раскрытой дверце кареты, откуда не спешила выходить вдова, меряя его недовольным взглядом.

– Рад вас видеть, ваша милость!

Вдова соизволила протянуть ручку, и каштелян помог ей выйти из кареты. Оказавшись на земле, вдова властно произнесла:

– Пан Стецкий, по вашей милости я проехала сотню верст! Надеюсь, что дело, по которому вы меня пригласили, не сообщив сути его в письме, достаточно для этого важное!

– Не извольте сомневаться, ваша милость. Важное, даже наиважнейшее! А тайное ли – это на ваше усмотрение. Не желаете ли, ваша милость, вначале отобедать со мной? У меня искуснейший повар!

– Пан Стецкий, пока я не узнаю, в чем дело и к чему такая таинственность, за стол с вами не сяду!

– Как вам будет угодно, ваша милость. Прошу в мои хоромы, не обессудьте – мы люди скромного достатка. – Староста тут же приказал слуге: – Пригласи ко мне судью, пана Фрончека, да побыстрее!

Староста провел знатную гостью в одноэтажный деревянный дом с высокой крышей и резным крыльцом. Из предложенных напитков пани Мария отдала предпочтение чаю с брусничным вареньем.

– Рассказывайте, пан Стецкий, что вы желаете мне сообщить. И к чему такая срочность и таинственность?

– Извольте, ваша милость, – дело необычное, и за вами решение, оставить ли его в тайне.

– Я вся внимание, пан Стецкий.

– Месяц тому назад из села Парышев, принадлежащего вашей милости, урядники доставили в замок дворовую девку Христину Колецкую, ранее прислуживающую вам в господских покоях. Ее подозревают в смертоубийстве, будто бы она собственноручно удавила своего ребеночка после его рождения.

¹ Здесь: большая дорожная карета.

² Восстание 1768 года во главе с запорожским атаманом Максимом Железняком.

Недовольство отразилось на лице вдовы. Неприметная и исполнительная Христя ни разу не вызвала нареканий пани Марии. На то, что не так давно ее заменила другая девка, пани Мария не обратила внимания, пока ей не сообщили о происшедшем. А случилось следующее. Сославшись на гложущую ее хворь, Христина отпросилась у управляющего имением пана Копальского на несколько дней, будто для того, чтобы показаться сельскому знахарю. Управляющий и сам заметил, что девка стала весьма бледной, болезненной на вид, поэтому он не медля отослал ее из господского дома на лечение. Приехав в родное село Парышев, к матери Маланке, Христина вскоре тайно разродилась байстрюком, с ее слов – мертворожденным. Желая скрыть грех, под покровом ночи она захоронила ребеночка в березовой роще, рядом с селом. Тельце зарыла в землю, но не глубоко. Собаки откопали тельце ребенка и сильно обглодали. Это заметил житель села, проходивший мимо. Он отогнал палкой собак, а тело несчастного ребенка отнес в корчму.

Вскоре все ближние села и местечко Чернобыль возбужденно загудели из-за ужасного происшествия. Расследование, учиненное урядником, длилось недолго, и Христина призналась в содеянном, клянясь, что родившийся ребеночек был мертв – пуповина обвилась вокруг шеи, задушила его еще в утробе. В качестве свидетеля Христина назвала свою мать, Маланку Колецкую, принявшую роды. В силу тяжести преступления до выяснения всех обстоятельств Христину и ее мать под охраной сопроводили в Овручский замок. Пани Мария уже и думать забыла об этом – судьба Христины не интересовала ее. Неужели по такому пустяку ее вынудили бросить все дела и отправиться в неблизкую дорогу?

– Езус Мария! Пан Стецкий, из-за этой детоубийцы вы вынудили меня приехать сюда?! – разгневалась пани Мария.

– Это не единственное преступление Христины Колецкой.

– По мне – хоть дюжина!

В зал зашел круглый как тыква председатель лавного суда³ Владислав Ольшанский и с ним высокий, худощавый, с побитым оспой лицом пан Возняк.

– Целую ручки, пани Мария! – слащаво улыбнулся судья.

– Пан Ольшанский, расскажи пани Марии, что выявил дознаватель, пан Ежи Возняк. Пан Возняк молча поклонился.

– В ходе судебного разбирательства возникли подозрения в том, что младенец на момент его закапывания в землю был жив. Христина созналась, что еще раньше пыталась прервать беременность при помощи ядовитых снадобий и магических предметов, которые должны были убить плод в ее утробе. Когда это не помогло, Христина обратилась к бабке Ломозянке, которую селяне считают ведьмой, и та дала ей колдовское зелье, вызвавшее преждевременные роды. Для выяснения правды судом было принято решение применить к Христине и ее матери пытки, а также допросить бабку Ломозянку, для этого послали за ней урядника. Пытки проводились по предписаниям литовского устава: трижды растягивали Христину и Маланку на дыбе и жгли конечности огнем свечек. Однако те упорствовали, стояли на своем – что младенец родился мертвым. Так как бабка Ломозянка стала путаться в показаниях, было принято решение и к ней применить пытки. Как только она ознакомилась с пыточным инвентарем, то сразу дала неожиданные показания. С ее слов, Христина является ведьмой, но скрывала это от людей. Ломозянка сообщила, что для того, чтобы стать настоящей ведьмой, участвовать в ведьмовских шабашах, Христине потребовалось провести колдовской ритуал – наведение порчи на смерть. – Судья замолк и выжидающе посмотрел на старосту, словно спрашивая разрешения продолжать.

³ Лавные суды рассматривали наиболее важные уголовные и гражданские дела мещан данного населенного пункта. Бурмистрские суды, как правило, занимались административными и мелкими уголовными делами. Лавный суд выступал в качестве суда второй инстанции по отношению к бурмистрскому суду.

Но тот решил сам сообщить то главное, из-за чего пригласили сюда приехать самую важную и богатую особу повета.

– Как только мне стало известно, на кого Христина навела порчу, я сразу же послал за вашею милостью и потребовал от судьи держать это в тайне, – не спеша, со значением произнес староста.

Вдова насторожилась, и ее глаза недобро сверкнули.

– На кого эта гадюка навела порчу ради того, чтобы стать ведьмой?

– Ломозянка утверждает, что на вашего супруга, достопочтимого графа Яна Николая Ходкевича, вследствие чего тот и скончался.

– Ведьма созналась?

– Все отрицает, даже под пытками. Твердит, что похоронила мертворожденного младенца и ведьмачеством не занималась. Но это еще не все... Ломозянка назвала имя того, от кого Христина понесла.

– Кто он?

– Ваш сын, пан Вацлав. Дай Бог ему здоровья!

– Откуда старая колдунья это знает, если Христина даже под пытками отказалась сообщить правду об отце ребенка?

– Ломозянка вынудила Христину назвать имя, предупредив, что иначе зелье для срыва беременности не подействует. Та долго сомневалась, но в конце концов, взяв с нее страшную клятву, назвала имя – пана Вацлава.

– Если Христина ведьма, зачем ей надо было обращаться за помощью к Ломозянке для наведения порчи на моего супруга? Тем более отравлять плод в утробе?

– Ваша милость, вы сами изволили сравнить ведьму с гадюкой. Как и молодой гадюке, начинающей ведьме требуется время, чтобы ее чары и зелья стали смертоносными. Ломозянка призналась, что все снадобья для наведения порчи изготовила она. При этом поклялась, что если бы знала, кого Христина наметила в качестве жертвы, то никогда не согласилась бы.

– Кто еще знает об этом?

– Мистр⁴, пытавший Ломозянку, писарь, следователь и два члена суда, но все они будут молчать, если на то будет ваша воля, ясновельможная пани.

– Ты правильно поступил, что вызвал меня, и сделай так, чтобы все это оставалось в тайне, пан Стецкий! Не надо, чтобы об этом болтали люди, – мертвым не поможешь, а живые перевернут. Какое будет решение суда в отношении ведьм? Они обе заслуживают костра!

– Уже давно принят закон, запрещающий преследование ведьм, и костры для них больше не горят. Но, кроме наведения смертоносной порчи на ясновельможного пана Яна Николая, что вы пожелали сохранить в тайне, мы имеем факт отравления плода – убийство младенца в утробе и ненадлежащее его захоронение, словно приبلудной собаки...

– Хоть это и байстрюк, но в нем кровь Ходкевичей! – злобно выкрикнула пани Мария. – Ведьм покарать так, чтобы они перед смертью мучились и сожалели о содеянном!

– Согласно литовскому уставу, отравительница заслуживает захоронения живой, но столь тяжкая кара не приветствуется в наше время и преступник гуманно карается на горло. Кат снесет ей и Ломозянке головы, а Маланка получит двести плетей, по пятьдесят в месяц.

– Для них это слишком мягкое наказание! Я желаю, чтобы обеих ведьм похоронили живьем! Смерть от меча для них слишком легкая! Они свели колдовством в могилу моего дорогого супруга!

– Сейчас иное время... – начал пан Возняк, но вдова его резко прервала:

⁴ Здесь: мастер-палач.

– Меня не интересует, какое сейчас время и что об этом думают в Варшаве! Я желаю, чтобы ведьмы мучились долго!

– У меня могут быть неприятности, – поддержал следователя судья. – В Габоре за сожжение ведьмы пан судья лишился должности.

– Сто полновесных червонцев, пан судья! И я хочу присутствовать при казни!

– Как вам будет угодно, пани Мария! – обрадовался судья. – Приговор преступники услышат сегодня, завтра утром их казнят.

– Незачем откладывать до утра! Пусть палач поработает сегодня вечером – его ожидает щедрая награда!

– Как вам будет угодно, ясновельможная пани. – Староста вздохнул с облегчением. – Теперь, ваша милость, вы разделите со мной трапезу?

Староста отдал соответствующие распоряжения, отпустил судью и следователя.

Когда судья подходил к зданию суда, дорогу ему преградил гайдук, один из приехавших с графией.

– Что тебе нужно, казак? – грозно спросил судья.

Гайдук скинул шапку, поклонился ему:

– Пан судья, имею к вам великую просьбу, хочу просить вашу честь за Христину Колецкую.

– Тебе что за дело до этой ведьмы и детоубийцы?

– Жених я ее, Данила. Был я в длительной отлучке, исполнял поручения ее милости пани Марии, и недели не прошло, как приехал и узнал о происшедшем.

– Ты хочешь сказать, что ребенок был зачат тобой? – недоверчиво спросил судья.

– Не мой ребенок, согрешила Христя. Хотела утаить этот грех от меня, поэтому пошла на еще больший грех – сгубила младенца! Но люблю я ее, грешную, и прощаю! Хочу просить вашу честь, чтобы не наказывали слишком строго Христю. Вот, возьмите. – Гайдук вытащил из-за пазухи кошелек и протянул его судье. – Здесь все, что я собирал на свадьбу. Все – до последнего шеляга, не побрезгуйте. Там не только серебро, но и золотые дукаты есть. Оставьте жизнь Христине, ведь она невиновна в том, что паныч так дурно с ней поступил – взял ее силою! Мне господская прислуга рассказала об этом.

– Ты говори, да не заговаривайся! – прикрикнул на него судья, испуганно посмотрев по сторонам: не услышал ли кто слов казака? – Канчуков отведаешь, если будешь продолжать поганым языком молоть!

– Возьмите деньги, пан судья, и помогите! Век буду помнить и благодарить!

– Забудь ее, казак. Заколдовала тебя девка – ведьма она!

– Почему Христя не призналась мне? Я простил бы ее, и ребеночек остался бы жив... Ее жизни ничего не угрожало бы... Бедная Христя! – Казак говорил сам с собой, видно было, как сильно любит он девушку.

– Прочь с дороги, казак! На ней смертный грех, и искупить его она может только своей жизнью.

Глаза у гайдука недобро блеснули, рука невольно потянулась к сабле. Но тут его позвали товарищи-гайдуки:

– Данила! Иди скорее сюда, пани Мария согласилась принять тебя и выслушать твою просьбу!

Гайдук снял шапку и вошел в зал, где уже накрывали на стол для обеда. Пани Мария сидела в резном деревянном кресле, рядом с ней стоял староста.

– Что ты хотел, казак?

Данила повалился на колени.

– Ваша милость, я вам верой и правдой служу более десятка лет. Никогда ничего не просил для себя.

- Видимо, моя щедрость была тому причиной, – усмехнулась вдова.
- Ваша щедрость и доброта не знают границ, ваша милость! Все же набрался я смелости просить вас, ваша милость, о снисхождении для неразумной Христины Колецкой.
- Какое тебе дело до детоубийцы? – нахмурилась вдова.
- Невеста она мне, ваша милость. Не велите ее карать смертью.
- Не я решаю, как с ней поступить, а суд на земле и на небе! Не имею я силы повлиять на его решение. Забудь о ней, казак, найди себе другую девку!
- Ваша милость, вы только слово за нее замолвите перед судьей!
- Уходи, казак, а я подумаю над твоей просьбой.
- Пани Мария, пан староста, будьте к Христине милостивы! Христом Богом прошу!
- Уходи, казак. Не испытывай моего терпения!
- Когда казак вышел из зала, вдова сказала старосте:
- Заприте этого казака в замке до моего отъезда – посидит, подумает, может, образумится. Не одумается – не быть ему среди моих гайдуков!
- В зал вошел лакей и поклонился:
- Пан староста, мистр просит вас уделить ему внимание – ему надо с вами обсудить предстоящее наказание ведьм. Кат ждет у дверей.
- Староста недовольно скривился:
- Пусть кат ожидает, сейчас к нему выйду.
- Пан Стецкий, я хочу присутствовать при вашем разговоре! – властно заявила вдова. – Пусть он войдет!
- Староста недовольно пожал плечами:
- Ката в шляхетские покои?
- Вдова гневно на него посмотрела, и тот, махнув рукой, приказал:
- Зови его!
- Вскоре в зал вошел мужчина крепкого телосложения, среднего возраста, его округлое лицо было испещрено морщинами и не имело растительности. Палач тут же снял шапку, показав плешистую блестящую голову.
- Что у тебя за дело ко мне?
- Пан староста, наказание смертью через закапывание проводится несколькими способами, отличаются они продолжительностью. Более длительный способ – это когда преступника закапывают по плечи, оставляют возле него охрану и казнь затягивается на несколько дней. Но при желании можно ее в любой момент завершить, для этого утаптывается-уплотняется земля возле преступника, и тот умирает от удушения. Более быстрый способ – преступника закапывают в землю в деревянном коробе или без него. Если в деревянном коробе, то он живет, только пока там есть воздух. Как правило, и двух часов не проходит, как тот умирает в страшных мучениях. Как именно желаете казнить преступниц?
- Ваша милость, за вами выбор, но низайше прошу казнь не затягивать и не делать ее публичной. Дело получит огласку, и тогда жди неприятностей из Варшавы.
- Хорошо, пусть будет деревянный короб, чтобы колдуньи прочувствовали, как это – быть живьем похороненными.
- Как вам будет угодно. – Палач поклонился. – Вдвоем в коробе они протянут меньше времени.
- Все, уходи и занимайся подготовкой казни.

* * *

Каменный мешок с узким окном-бойницей, через которое разве кошка может пролезть. В углу голый деревянный топчан, на нем сидит безоружный казак Данила. Он неподвижен,

как статуя, и лишь иногда скрипит зубами от бессилия, от невозможности что-либо сделать для спасения любимой, и ходят желваки от горестных дум и ярости, переполняющей его.

– Данила! Как ты там? – послышался виноватый голос из-за двери, и Данила узнал Петра, своего побратима.

– Твоими молитвами, Петро! Отдыхаю, на звезды смотрю через окошко. Люльку бы запалил, да табачку нет! – со злостью произнес Данила, не поворачивая головы.

– Все давно уже кончено, Данила. Отмучилась Христя – прими, Господи, ее грешную душу!

Данила сжал зубы с такой силой, что они заскрипели, его тело налилось чугуном, он ощущал, как затвердели все жилочки, как наливается тело невероятной силой. Но что эта сила против толстой дубовой двери, которую только тараном можно взять, и каменных стен?

«Христи нет? Больше не увижу ее красивое личико, не услышу ее звонкий голос, не буду гулять с ней ночами возле Припяти? Не будет у нее от меня детей, двух мальчиков и двух девочек? НИЧЕГО ЭТОГО У МЕНЯ НЕ БУДЕТ?!»

– Не обижайся, Данила, на ее милость – не гневи Бога! Она о тебе заботилась, когда спровадила под замок. Наделал бы глупостей, испаскудил бы себе жизнь. Сейчас уже ничего не поделаешь, душа Христи отлетела... – Петр закашлялся, явно пребывая в замешательстве. – Словом, душа ее попала куда следует... Ведьма она или нет, мне неизвестно, но ребеночка своего, малого, что от паныча прижила, удавила собственными руками! Так что вина ее и грех – огромные!

– Не мели языком своим о том, что выше твоего разума! – не сдержался и гневно выкрикнул Данила.

– Могу и помолчать – больно мне надо! – обиделся Петр. – Ее милость в полдень велели карету готовить в обратный путь, на рассвете я тебя выпущу.

Кровь бросилась Даниле в голову, но он взял себя в руки, – ведь если он будет лаяться с побратимом, ничем хорошим это не закончится. Злость, сила сейчас ему не в помощь, тут хитрость нужна.

– Прости меня, Петро! Все уже свершилось, видимо, на то была воля Господа нашего! Помянуть бы душу несчастной Христи, да нечем!

– Подумал я о тебе, Данила, поэтому пришел не на рассвете, как пани Мария велела, а сразу после полуночи. Принес я баклажку доброго вина, так что помянуть есть чем. Вот только поклянись, что, если открою дверь, ты не покинешь башню до рассвета.

– Тю, Петро! Надеюсь, ты баклажку с вином взял не маленькую и до рассвета у нас будет чем заниматься?

– Все равно – поклянись! Целуй крест!

– Клянусь, Петро, что не переступлю порога этого застенка, пока не увижу дно в твоей баклажке! – Данила сунул руку под рубашку, вытащил нательный крест и поцеловал его.

Заскрежетал отодвигаемый засов, и в камеру вошел улыбающийся Петр, держа перед собой баклажку, где вина было не меньше чем две кварты. Данила, улыбаясь вымученной улыбкой, поднялся, ступил шаг ему навстречу и нанес Петру мощный удар, разбив лицо в кровь. Петр рухнул на пол, а Данила, пока тот не поднялся, выскочил из камеры и, закрывая дверь на засов, услышал злобный выкрик:

– Клятвопреступник! Не побратим ты мне больше!

Как ни спешил Данила, но задержался и крикнул в ответ:

– Прости меня, Петро, если сможешь, и прощай! Больше не свидимся мы, разошлись наши стежки-дорожки. За то, что клятву нарушил, меня Господь покарает, но не знаю, есть ли кара больше той, какую уже имею.

В замке Данила бывал не раз и быстро нашел место на стене, откуда смог безопасно спуститься вниз. Он сразу побежал в сторону Овруча, не разбирая дороги, напрямик. Луна

была на его стороне, освещала путь, поэтому он ни разу не оступился и не упал. Хотя он бежал что есть силы, ему казалось, что он едва движется.

Он знал, где находится дом судьи, и, добежав до него, стал громко стучать кулаком в ворота.

– А ну угомонись, шибайголова! Если разбудишь пана судью, то он прикажет тебе всыпать канчуков! – послышался за воротами голос привратника.

– Ты что, ослеп? Не видишь – я гайдук ее милости! Буди пана судью – так велел пан староста, зовет его к себе: нежданная беда пришла!

Привратник крикнул переполошившейся прислуге, чтобы разбудили пана судью, а сам впустил Данилу. В дом ему не разрешили войти, судья в капоте вышел сам. Данила, сдвинув шапку на лоб, чтобы, скрыв лицо, не быть узнанным, низко поклонился судье.

– Отвечай, гайдук, что случилось?

– Пан староста не велели говорить, он и ее милость ждут вас на том месте, где казнили ведьм. Они очень недовольные, бранятся, так что поторопитесь, пан судья!

– Ты еще будешь мне указывать, казак? – разозлился судья, но движения его стали более энергичными, когда он входил в дом.

Тем временем Данила велел двум слугам вооружиться ружьями и саблями, взять две лопаты и моток толстой веревки. Спустившись, судья увидел, что его будут сопровождать вооруженные слуги, и тень подозрения, промелькнувшая было, когда он одевался, исчезла. Данила взялся нести лопаты и веревку.

Когда вышли за ворота, Данила сделал вид, что споткнулся и подвернул ногу. Это дало ему возможность держаться позади, отчаянно хромая, так как он не знал, где именно казнили Христину. Хромота гайдука совсем успокоила судью, и теперь он изо всех сил спешил на встречу со старостой, зная его крутой нрав.

– Эй, казак, что-то никого там не видно! – забеспокоился судья.

Свет полной луны давал возможность ориентироваться на местности. Данила понял, что они приблизились к месту казни. Ударом лопаты по голове он повалил наземь впереди идущего слугу, и тот на какое-то время потерял сознание. Подскочив к другому слуге, опешившему от неожиданности, Данила выхватил у него из рук ружье и взвел курок.

– Скидывай пояс с саблей! – приказал Данила, и слуга сразу его послушался и бросил оружие на землю.

– Ты – жених ведьмы! – сообразил судья и, громко крича, бросился наутек, но пуля, выпущенная из ружья, разможила ему колено. – А-а-а! – Вопя от боли, судья катался по земле, зажимая рану рукой.

Лежащий на земле слуга, придя в себя, попытался воспользоваться ружьем, но Данила был настороже и оказался проворнее слуги. Удар прикладом ружья вновь отправил слугу в беспамятство. Выхватив у него заряженное ружье, Данила взял на прицел другого слугу, уже успевшего подхватить с земли саблю и подступающего к нему. Увидев направленное на него ружье, слуга молча, в сердцах отшвырнул саблю прочь.

Следуя указаниям Данилы, слуга перевязал судье раненую ногу, потом привел в чувство своего товарища. Затем слуги подхватили под руки судью, который не мог даже стоять, и, конвоируемые вооруженным Данилой, пошли к месту казни, благо идти было уже недалеко.

На краю березовой рощи небольшой свеженасыпанный холмик земли, посередине которого вбит осиновый кол, – вот и все, что говорило о происшедшей здесь трагедии. Слуги быстро докопались до большого деревянного ящика. У Данилы от волнения так дрожали руки, что он чуть не выронил ружье. Он едва сдержался, чтобы самому не спрыгнуть в яму и не сбить крышку. Слуги, напрягая все силы, на веревках вытащили ящик из ямы.

Чуда не произошло – Христина была мертва, ее искаженные черты лица говорили о неимоверных страданиях, которые она перенесла, будучи заживо похороненной и умирая от удушья. Слуги достали девушку из ящика и положили у ног казака. Данила стал перед ней на колени и рукой прикрыл ей глаза.

– Господи, помилуй! – раздался испуганный вопль слуги.

Второй подхватил, отчаянно крестясь:

– Езус Мария! Матка Боска! Ведьма! Она – вурдалак, кровопийца!

Данила увидел, как ведьма, которая, казалось, тоже была мертва, вдруг зашевелилась и присела в ящике, громко и с наслаждением дыша.

– Мертвые не дышат! – Данила легко вскочил и, выхватив саблю, подступил к ожившей ведьме, намереваясь вновь отправить ее туда, откуда она по недоразумению вернулась.

– Стой, казак! – прохрипела ведьма. – Не делай этого – живой я тебе много чем смогу помочь!

– После смерти Христинки мне радости в жизни нет, так что ничем ты мне не поможешь!

– Если смогу ее вернуть оттуда, откуда сама пришла, будет это тебе помощью?

– Не брешь, ведьма! Оттуда никто еще не возвращался!

– В прежнем облики – нет! Любил ты Христинку не за тело, а за ее душу! Помогу я тебе свидеться с ней на этом свете.

– Помогите старухе! – приказал Данила слугам, но те, не переставая креститься, не сдвинулись с места и продолжали со страхом смотреть на ожившую колдунью.

Ведьма сама бодро выбралась из ящика.

По приказу Данилы орущего от страха и боли судью его же слуги положили в ящик, который, накрыв крышкой, сбросили в яму и закидали землей.

– Уходите! – сказал слугам Данила и опустился на корточки рядом с мертвой девушкой, бормоча молитву.

Поодаль, под деревом, колдунья тоже присела на корточки, что-то сосредоточенно чертя палочкой на земле. Время от времени она поглядывала на казака и ее тонкие губы растягивались в зловещей ухмылке.

Получив свободу, слуги бросились бежать к замку, чтобы сообщить старосте об ожившей колдунье, сошедшем с ума казаке и о том, что он сотворил с судьей.

* * *

Проснувшись, Василь потянулся до хруста в позвоночнике, широко разведя руки, сделал вращательные движения головой, чтобы хоть немного размять шею, затекшую от неудобного положения. Кругом царила темнота, фитиль лампы едва тлел, керосин в ней был на исходе. Не первый раз он засыпал ночью за работой в университетской библиотеке, не имея сил дойти до своей комнаты. Василь стал прохаживаться между столами, делая на ходу гимнастические упражнения. Архивариус Игнат Никодимович не запрещал ему задерживаться в библиотеке, но вряд ли был бы доволен, узнав, насколько часто и как долго это бывает. Впрочем, Василь керосин университетский не расходовал, обходясь своим, так что упрекнуть его было не в чем.

Семь месяцев прошло с тех пор, как Василь Хома оставил преподавательскую работу во Второй киевской гимназии, стал адъюнктом профессора Черена на кафедре всеобщей истории университета Святого Владимира и дополнительно помощником архивариуса в университетской библиотеке. Ему дали незначительное количество часов работы со студентами, так что основной заработок давала работа в библиотеке. Доходы у Василя были весьма скромные, благо, что и расходы были такими же – за весьма умеренную плату жил он в

комнате на четвертом этаже университета. Платил он за нее намного меньше, чем студенты, снимавшие жилье в ближайших домах в квартале, прозванном уже много десятилетий назад Латинским.

В свои неполные двадцать четыре года Василь считал, что трудолюбие и целеустремленность в будущем сулят ему успешную научную карьеру. Окончив с отличием Историко-филологический институт имени его основателя князя А. А. Безбородко в родном городе Нежине, Василь выиграл конкурс и получил место учителя истории во Второй киевской гимназии. Знакомство с профессором Богданом Назаровичем Череном и его предложение заняться научной и преподавательской работой в университете ошеломили Василя – его заветная мечта стала приобретать реальные очертания!

После провинциального тихого Нежина Киев показался ему огромным шумным городом, где у него будет множество возможностей реализовать себя, достичь заветной мечты – стать ординарным профессором. Происшедшая в феврале революция смела самодержавие в Российской империи, закрутила политический водоворот в Киеве. Стали проходить многочисленные митинги, собрания. Левые партии, занявшие доминирующее положение в стране, при разных названиях имели сходные между собой лозунги и, на взгляд Василя, отличались друг от друга разве что мастерством партийных ораторов. Он не вникал в специфику партийных программ, твердо решив держаться в стороне от политики.

Работая под руководством профессора, Василь старался изо всех сил, чтобы оправдать оказанное доверие, и это было непросто. Профессор Черен слыл среди профессуры и студентов большим оригиналом, и неудивительно, что он дал Василию далеко не ту научную тему, на которую тот рассчитывал. Мало того, Василию на первых порах было даже очень стыдно ее озвучивать – «Ведьмачество и оборотничество на Украине в XVII–XVIII веках». Осторожная и нижайшая просьба по возможности изменить тему научной работы вызвала крайнее раздражение профессора, и Василь испугался, как бы тот не выгнал его. «Назвался груздем – полезай в корзину!» Больше Василь не совершал подобных оплошностей и с усердием принялся собирать материал по необычной теме. Профессор посоветовал ему начать с изучения и анализа судебных процессов, проходивших в то время на территории Украины, разделенной между соседними могущественными государствами. Хорошее знание классических языков и польского позволили Василию успешно делать подборку эмпирического материала. Он переворачивал груды старинных фолиантов, инкунабул, но пока нашел лишь несколько упоминаний, которые с большой натяжкой можно было считать фактическим материалом по ведьмачеству и оборотничеству.

Библиотека занимала три этажа южной стороны огромного красно-черного здания университета, под цвет лент ордена Святого Владимира, с просторным внутренним двориком с фонтаном. С тыльной стороны к университету примыкал Ботанический сад, где Василь любил прогуливаться вечерами. Работа в библиотеке, имевшей огромный книжный фонд, который постоянно пополнялся, весьма помогала в его научных изысканиях. Василь ими занимался лишь в свободное время, так как директор библиотеки строго следил за тем, чтобы его подчиненные в рабочее время исполняли служебные обязанности, не отвлекаясь на постороннее. Василию нравилось, когда поздним вечером пустел длинный арочный зал и он оставался один. Множества стеллажей, уходящих вверх до самого потолка, было недостаточно, чтобы разместить весь имеющийся трехсоттысячный книжный фонд – наследие Виленского университета, уникальную книжную коллекцию Кременецкого лицея и поступления из частных библиотек. В хранилище множество книг еще находились в ящиках, их следовало распаковать и внести в библиотечный реестр, чем и занимался Василь под руководством архивариуса.

Недавний сон привел Василя в замешательство, настолько он был ярким, жизненным, более реалистичным, чем фильмы, увиденные в кинематографе. «Видимо, я переутомился

и это всего лишь сновидение», – решил Василь. Убирая стопку книг со стола, он случайно уронил одну из них; книга в потертом кожаном переплете шлепнулась на пол с громким звуком, словно прозвучал выстрел, вспугнув тишину. Василь замер и тут же заулыбался своему непонятному испугу. Наклонившись и подняв книгу, он прочел ее название: «Książka czarna Polesiu 1747–1787»⁵. Подобных «черных книг» он пересмотрел уже больше десятка. Их достоинство было в том, что в них судебные процессы над ведьмами освещались более подробно, чем в книгах магистратских судов. Ведьмачество было так представлено в материалах дел, рассмотренных большинством городских судов, что зачастую выглядело неубедительно и даже фантастично, но у судей не возникало сомнений в доказательности фактов. Продолжать работу Василь посчитал неразумным и решил пойти отдохнуть – ночь была на исходе, на сон оставалась всего пара часов. Но на раскрытой странице ему в глаза бросились слова «...Czarownica Hima Lomozyanka»⁶. Его тут же кинуло в жар, и подкрадывающуюся сонливость как рукой сняло.

Неужели совпадение имен участницы судебного процесса, описанного в «черной книге», и персонажа из приснившегося странного сна – лишь случайность? Василь еще не просматривал этот старинный фолиант и имен, упоминаемых в нем, знать не мог. Тем более такое странное и запоминающееся имя – Ломозьянка. Отложить книгу в сторону и отправиться спать он уже не мог. Василь вновь присел за стол и углубился в чтение. Это был отчет о судебном процессе, состоявшемся в 1784 году в Овручском замке над ведьмой и детоубийцей Христиной Колецкой, жительницей села Парышев.

Василь ощутил, как на его лбу выступила испарина, ему стало трудно дышать. Подобное совпадение было равносильно чуду, можно было в него верить или нет, но оно уже произошло! В книге подробно описывался суд над несчастной молодой женщиной, лишившейся чести, подвергнувшейся надругательству и пыткам, женщиной, чью жизнь оборвала мучительная казнь. Основные события процесса были известны Василию из сна. Правда, в книге не упоминалось о семействе Ходкевичей и казаке Даниле.

Как человек верующий, Василь считал, что чудеса, приносящие добро, исходят от Бога, а с помощью магии и колдовства творятся ложные чудеса, от которых лишь вред человеку на радость нечисти. Однако отличить истинные чудеса от ложных весьма непросто, ведь даже в Библии не даны на этот счет разъяснения. Что это было – божественное озарение или происки лукавого?

Закрыв читальный зал, Василь поднялся в свою комнату. Несмотря на все его старания, сон никак не шел, в памяти то и дело всплывало недавнее сновидение, удивительно совпавшее с текстом из «Черной книги Полесья».

⁵ «Черная книга Полесья 1747–1787» (пол.).

⁶ Чародейка Хима Ломозьянка (пол.).

2

Профессор Черен отличался мощным кряжистым туловищем, необычайно широкими плечами и удивительно короткими ногами. Читая лекции, он стоял на специальной подставке, возвышаясь горой над кафедрой, которую он никогда не покидал во время лекции. Из-за громового голоса, кустистых бровей и окладистой бороды лопатой среди студентов он имел прозвище Зевс-громовержец. Профессор слыл чудачком не из-за своей неординарной внешности, а по причине непредвиденности поступков и маниакальной педантичности. Богдан Назарович мог неожиданно разнести в пух и прах на первый взгляд блестящий реферат или же расхвалить корявое выступление студента, отметив смелость мысли. Начиная читать лекцию, профессор доставал из кармана огромный брегет на длинной серебряной цепочке, ориентируясь во времени только по нему. Бывало, еще не прозвенел в коридоре колокольчик, сообщая об окончании занятий, а профессор, бросив взгляд на циферблат часов, обрывал себя на середине фразы и поспешно выходил из аудитории. Или, наоборот, он продолжал читать лекцию до тех пор, пока его брегет не показывал «верное» время.

Зная о чудачествах профессора, Василь сомневался в том, что ему стоит рассказать об удивительном сновидении, совпавшем с описанными в книге судебных записей событиями. Василь боялся натолкнуться на недоверие и насмешки профессора, но в конце концов он все же решился.

В читальном зале библиотеки профессор молча, с каменным выражением лица слушал эту историю, и Василь внутренне напрягся в ожидании его реакции.

– Оч-чень интересно! – энергично произнес профессор. – Ну что ж, молодой человек, вы славно поработали, я не ошибся в выборе. Продолжайте и держите меня в курсе.

– Собственно, это получилось само собой, и я не знаю, как это объяснить.

Василю была приятна похвала профессора, только он не понял, в чем его заслуга. За что похвалил его профессор – за то, что он увидел удивительный сон? Случай любопытный, но для его научной работы он не представлял никакой ценности. На основании материалов судебного дела можно было сделать вывод, что несчастная Христина ведьмой не была.

– Иногда желание докопаться до сути происходящего может нарушить тонкий временной механизм. Поэтому не предпринимайте никаких шагов без согласования со мной. Готовьтесь весной поехать в этнографическую экспедицию на Полесье. Представьте свое видение маршрута, обозначьте места, которые следует посетить. Полагаю, там вы соберете больше материала, чем в библиотеке, штудировав записи судебных процессов.

Профессор быстро встал и направился к выходу из читального зала, оставив Василя в недоумении: чего именно он не должен совершать? И на что предпринятые им действия могут повлиять? Профессор явно что-то недоговаривал и в то же время чего-то от Василя ожидал. Видимо, странная тема диссертации – это не следствие чудачеств профессора, она имеет реальные основания, о которых Богдан Назарович пока умалчивает. Спросить же напрямую об этом профессора Василь не решился.

Педантизм профессора Черена проявлялся во всем, в том числе и в отношениях с сотрудниками университета. Он никогда не уделял внимания чему-либо выходящему за рамки его профессиональных интересов, говорил только о деле, держался в стороне от политики. Вел он жизнь весьма замкнутую, никого туда не допуская. Неизвестно было, имеет ли он жену, детей и даже где он живет. Однажды, когда профессора не было в университете, руководству потребовалось срочно его вызвать, так в канцелярии не нашлось его домашнего адреса, лишь запись «арендует квартиру». До того как профессор Черен переехал в Киев, он преподавал в Варшавском университете, имел весьма лестную характеристику и внушительный перечень научных работ.

Выполняя поручение профессора, Василь наметил маршрут будущей этнографической экспедиции, включил в него посещение Овруча и села Парышев. Экспедиция представлялась Василию занятием гораздо более интересным, чем изучение процессов над ведьмами по судебным книгам, где описания так похожи одно на другое. Профессор правильно делает, отправляя его изучать устное наследие жителей Полесья – предания и легенды – и, возможно, документы и записи церковных книг, сохранившиеся в сельских и частных архивах. То, что время беспокойное и даже опасное – доходили слухи о бесчинствующих бандах дезертиров в сельской местности, – Василя не пугало, как и не заботило, откуда возьмутся средства на продолжительную экспедицию в военное время. Он верил профессору Черену, не без основания считая, что тот пустыми разговорами не занимается. К тому же война с Германией и Австро-Венгрией затихла и с Юго-Западного фронта бесконечным потоком шли эшелоны, битком набитые деморализованными солдатами и офицерами, для которых война уже закончилась.

3

Выйдя из-под портика главного корпуса университета, Василь Хома зябко поежился: от пронизывающего ледяного ветра не спасала тонкая шинель. Спустившись по ступенькам, он быстрым шагом направился в Студенческий сквер, где заметил скопление народа вокруг памятника императору Николаю II.

«Опять митингуют. Словно у них других дел и забот нет! Когда это закончится и люди вернуться к своим обязанностям и работе? Студенты – к учебе, рабочие – на заводы, чиновники – в присутственные места?»

Василь не был приверженцем свергнутого самодержавия, но и не являлся ярим его противником. Он считал, что политикой должны заниматься обученные этому люди, а не те, кого на эмоциях выдвигает толпа. Лично для себя он решил в политику не лезть и просто переждать это смутное время, когда вся эта вакханалия вседозволенности и лозунгов закончится и страна вернется к стабильной жизни.

Перейдя Владимирскую улицу, Василь обернулся, залюбовался громадой красного здания университета, занимающего целый квартал. Непроизвольно он мысленно произнес девиз университета: «Utilitas, Honor et Gloria»⁷.

Памятник императору Николаю II был измазан краской, на нем виднелись навешанные разноцветные ленточки. Обходя митингующих, Василь даже не пытался вникнуть в смысл их заявлений и требований. Он не понимал и не хотел разбираться, чем отличаются партии социал-демократов, социал-революционеров и социал-федералистов, входящие в состав правительства Украины, так как у них были почти идентичные лозунги. Большинство митингующих были в студенческих и гимназических фуражках и шинелях. Впрочем, чему было удивляться, ведь район, прилегающий к университету, недаром был прозван Латинским кварталом по аналогии с парижским студенческим кварталом у Сорбонны, на левом берегу Сены.

Выйдя из сквера на Терещенковскую улицу, Василь увидел долгового Дмитрия, стоявшего возле бело-голубого здания в неогреческом стиле⁸, бывшего особняка Терещенко, где теперь находился секретариат межнациональных дел⁹. Со своим одноклассником Дмитрием Василь познакомился, когда учительствовал во Второй гимназии. Дмитрий Кожушко-Девиржи преподавал в гимназии математику и физику. Вскоре они стали близкими друзьями. В отличие от Василя, Дмитрий не был человеком аполитичным и весьма симпатизировал социал-демократам.

– Как тебе это чудо? – Дмитрий с любовью погладил капот автомобиля с блестящими вставками, принадлежащего его отцу, который работал в секретариате межнациональных дел.

Возле парадного входа, украшенного кариатидами, было очень оживленно, люди торопливо выходили из здания и входили в него.

– Обычный самодвижущийся экипаж, их стало очень много в городе, и они отравляют воздух, насыщая его отвратительными миазмами, подобно мифическим чудовищам. – Василь пожал плечами – он был равнодушен к автомобилям. – Что из этого следует?

– Очень многое, мой дорогой друг! Во-первых, это «Остин» выпуска 1909 года. Во-вторых, мой уважаемый отец, Николай Дмитриевич, сдержал слово и передал его мне в полное распоряжение на ближайшие дни. В-третьих, не далее как вчера я окончил курсы вождения,

⁷ «Польза, честь и слава» (лат.).

⁸ Архитектурный стиль, детально воспроизводящий греческую классику.

⁹ В наше время здесь размещается Национальный музей русского искусства.

которые находятся недалеко отсюда, на улице Фундуклеевской, и полночи самостоятельно катался на автомобиле по городу.

– Не ожидай от меня поздравлений, на которые ты явно рассчитываешь. Предполагаю, что металлический монстр целиком поглотит тебя и ты забудешь обо всем на свете. Прости меня, Дмитрий, но ты очень увлекающийся человек и не всегда можешь отделить зерна от плевел.

– Согласен, Василь! Впереди у нас целая жизнь и необходимо многое успеть! Нельзя замыкаться в изолированном научном мирке, не замечать происходящих вокруг знаменательных событий. Пойми, друг мой Василь, сейчас происходят исторические события все-ленского значения, и у нас есть уникальная возможность не только наблюдать их изнутри, но и принимать в них самое непосредственное участие! Мы изучали по учебникам и документам глобальные исторические события, кардинально менявшие картину привычного мира, и такие события происходят у нас на глазах! Вспомни Английскую революцию XVII века, Великую французскую революцию, а теперешние события такого же масштаба, и нам надо лишь широко открыть глаза и наострить уши! Еще лучше принять в них участие, не дожидаясь, когда эти события затянут тебя в свой водоворот!

– Камень в мой огород созерцания, Дмитрий? Видишь ли, историк должен быть беспристрастен в оценках, а когда сам участвуешь в событиях, невозможно не включить свое эго, избавиться от субъективизма. Оценку нынешних событий я оставляю историкам, отдаленным от нас во времени лет эдак на двадцать-тридцать.

– Философы лишь по-разному объясняли мир, но суть в том, чтобы изменить его! – торжественно произнес Дмитрий.

– Угрозило же тебя связаться с социалистами! Дело твое, у каждого своя цель в жизни! – Василь осуждающе покачал головой. – А чтобы добиться поставленной цели, нельзя распыляться, тратить себя на мелочи. Всегда необходимо определять, что для тебя главное. Для меня – это наука, госпожа История – царица всех наук!

– Мой высокоуважаемый преподаватель Петр Никодимович на лекции называл царицей наук философию, именно знание ее основ способствует постижению сути явлений, событий, да и чего бы то ни было. – Дмитрий улыбнулся и, увидев, что Василь готовится к диспуту, сделал предостерегающий жест. – Спорить на эту тему я не буду. Приглашаю тебя к себе в гости, в родительское имение. Проведем там Святвечер и отпразднуем Рождество Христово.

– Я благодарен, Дмитрий, за твое приглашение, но вынужден отказаться. У меня иные планы. Прошу меня простить.

– Известны мне твои планы! Да успеешь ты еще поработать в библиотеке, Святки длятся всего две недели.

– Все же прости меня, Дмитрий, вынужден отказаться.

– Это не только приглашение, но и огромная просьба. Моего отца вынуждают обстоятельства, связанные с его работой, остаться в Киеве, и он хочет поручить мне привезти после Рождества из имения маменьку и сестренку. Дорога неблизкая – сотня верст, а я еще неопытный водитель. Одного меня в такую дальнюю поездку отец не отпустит. А мне так хочется прокатиться по зимней дороге на этом чуде! – Дмитрий вновь любовно погладил блестящий капот автомобиля.

– Чем я смогу тебе помочь? Я не имею представления, как управляют автомобилем.

– Своим присутствием, дружище. Вдвоем в пути гораздо сподручнее и спокойнее. Ты мой лучший друг, кого же еще я могу просить о таком одолжении? Это будет увлекательное путешествие!

– Ты не оставляешь мне выбора. Ну что ж, можешь мною располагать.

– Немного развеешься, праздники в Чернобыле проходят очень весело. На лыжах ходить умеешь? Можем отправиться на лыжную прогулку.

– С отцом, бывало, на лыжах ходили с раннего утра и до темноты. – Василь опечалился, вспомнив о гибели отца на фронте. – Господи, упокой душу усопшего раба твоего Ивана и даруй ему Царствие Небесное!

– Аминь! – Дмитрий перекрестился.

Отец Василя, командир пехотного батальона, погиб во время «наступления Керенского»¹⁰ на Юго-Западном фронте полгода назад, и эти воспоминания больно ранили ему сердце. У Василя упало настроение, захотелось побыть одному, зайти в церковь и поставить свечку за упокой души отца. Дмитрий тонко прочувствовал состояние друга, обнял его.

– Давай зайдем в кондитерскую «Маркиз», выпьем кофе, а затем поедем ко мне на ужин. Мне надо дождаться отца, а он вернется не раньше чем через час. С отцом приедет генерал Греков. Любопытно будет послушать боевого генерала, что он думает о нынешней ситуации. Недавно его назначили начальником гарнизона Киевского военного округа. Время-то какое, начальник округа, штабс-капитан Шинкарь¹¹, всего на три года старше нас! А в подчинении у него чуть ли не полдюжины генералов.

– Благодарю, Дмитрий, но я уже пойду домой, по дороге хочу зайти в церковь, помянуть отца.

– Понимаю, скорблю вместе с тобой. Жить человеку или умереть – на то воля Господня, а мы лишь статисты на сцене жизни!

– Спасибо, Дмитрий. Я пойду.

– В следующую среду в восемь часов утра буду ждать возле университета. Прошу тебя, будь готов к этому времени, чтобы мы выехали незамедлительно.

– Не тревожься, тебе не придется меня ждать.

С Терещенковской улицы Василь повернул на Бибиковский бульвар и направился к Свято-Владимирскому собору, выделяющемуся среди расположенных поблизости домов огромными размерами и богатым убранством в нововизантийском стиле, гордо вознося к небу семь куполов. Раздался колокольный звон, звук нарастал – сначала били в маленькие колокола, потом в БОЛЬШИЕ и наконец ударили «во вся тяжкия»¹², тем самым известив о завершении обряда отпевания усопшего. Вскоре похоронная процессия вышла из храма. Василь замедлил шаг, он не верил в приметы, но ему очень не хотелось увидеть покойника в гробу. Он снова вспомнил о смерти отца, погибшего и захороненного возле городка со странным названием Калуш, на территории, контролируемой австро-венгерскими войсками, куда можно будет попасть лишь в отдаленном, неопределенном будущем. Василю, человеку сугубо гражданскому, было непонятно, почему заранее широко разрекламированное наступление на самом деле оказалось абсолютно неподготовленным и в итоге провалилось, унеся жизнь отца и десятков тысяч солдат и офицеров.

Наконец благовест¹³ сообщил, что процессия отъехала от храма. Василь вздохнул с облегчением и ускорил шаг. Он любил посещать Владимирский собор, и не только потому, что тот был ближайшим к университету, а из-за ощущения спокойствия и некой возвышенности, которые нисходили на него в храме. Собор был построен относительно недавно, но внутреннее убранство благодаря стараниям профессора-историка Адриана Прахова и известных талантливых художников соответствовало стилю древних храмов Киевской Руси.

¹⁰ Последнее наступление русских войск во время Первой мировой войны (июнь 1917 г.). Наступление было блестяще подготовлено командованием, но провалилось из-за хаоса, царящего в стране после февральской революции, и катастрофического падения дисциплины в русских войсках.

¹¹ Шинкарь Николай Ларионович (1890–1920) – офицер военного времени Русской императорской армии, в годы Гражданской войны – украинский военный и политический деятель.

¹² Ударять во вся тяжкия – бить во все колокола сразу.

¹³ Вид православного звона, а также колокол, с помощью которого он производится.

Миновав мощные бронзовые двери, Василь очутился в полумраке просторного центрального нефа, освещенного множеством свечей, рассыпанных, словно звезды на небе. Со стен и с икон в дорогих окладах проникновенно смотрели лики святых, а немногочисленные прихожане больше напоминали тени, а не живых людей. Купив свечу, Василь поставил ее на поминальный стол – канун. Отрешившись от всего, Василь прочитал молитву за упокоевание души отца и тут же ощутил огромное облегчение, словно с его души свалился тяжкий камень. Теперь он более внимательно осмотрелся и окружающие тени приняли облик живых людей. Как обычно, Василь начал обход по кругу основного нефа, в который раз любуясь росписями, выполненными с высочайшим мастерством.

Его внимание привлекла молодая женщина в темной меховой шапочке и короткой норковой шубке. Ее прекрасное личико, удивительно гармоничное, с огромными темными глазами, выражало боль и печаль. Видимо, она недавно потеряла близкого человека и не могла прийти в себя – так горька была утрата. Но не красота молодой женщины приковала внимание Василя, заставив остановиться в двух шагах от нее, а то, что ее лицо казалось ему знакомым, но, скорее, она просто кого-то напоминала. «Мы уже где-то встречались? – спросил себя Василь. – Она мне запомнилась своей красотой? Вряд ли».

Вдруг у молодой женщины закатились глаза, она зашаталась. Не раздумывая ни секунды, Василь оказался возле нее и бережно поддержал, не дал упасть. Он не считал себя силачом, но тело незнакомки оказалось удивительно легким, так что от него не потребовалось больших усилий.

– Господи, бедняжка! Ей плохо! – послышался рядом сочувственный женский голос. – Вот, возьмите, – невидимая женщина протянула руку с открытым пузырьком, из которого исходил резкий, неприятный запах, ощущавшийся даже на расстоянии. – Это поможет барышне прийти в себя.

Придерживая обмякшее тело незнакомки правой рукой, левой Василь поднес флакон к ее носу. Она вздрогнула, открыла глаза и удивленно посмотрела на Василя, одновременно энергично высвобождаясь из его невольных объятий.

– Что со мной было? – Голос у женщины был приятным, мелодичным.

– Видимо, вы переволновались и упали в обморок.

– Благодарю за помощь. Мне уже лучше.

Незнакомка сделала шаг и снова зашаталась. Василь поддержал ее под локоток. На этот раз обошлось без обморока.

– Вы очень слабы, сударыня, я провожу вас к выходу.

– Кружится голова, – пожаловалась женщина, осознав, что без посторонней помощи ей не обойтись. – Вы очень любезны!

Опираясь на руку Василя, незнакомка медленно двинулась к выходу из храма.

– Пожалуй, мне необходимо несколько минут отдохнуть, прийти в себя. Я чувствую себя крайне неловко, но, если вас не затруднит, будьте любезны, проводите меня к скамейке на бульваре. – Она поправила шапочку, и верхнюю часть ее бледного лица прикрыла темная полувуаль.

– С превеликим удовольствием! – с жаром воскликнул Василь.

Ему было приятно оказать помощь этой прелестной молодой особе. Поддерживая под локоток незнакомку, Василь помог ей дойти до бульвара, вдоль которого по обе стороны выстроились остроконечные тополя. До ближайшей скамейки им пришлось идти добрую сотню метров, но то, что не так давно было скамейкой для отдыха, ныне представляло собой жалкое зрелище, и сидеть на ней было невозможно. Однако свежий морозный воздух подействовал благотворно на женщину: часть ее лица, не закрытая вуалью, порозовела, и она уже почти не опиралась на руку Василя.

– Прошу меня великодушно простить, сударыня, но... судя по всему, вас постигло горе. Могу ли я чем-либо вам помочь? Для меня это большая честь. – Произнеся эти слова, Василь удивился собственной смелости, и больно резанула мысль: «Чем могу я, бедный преподаватель, помочь этой барышне, судя по ее наряду, из весьма обеспеченной семьи?» И уже не так энергично он добавил: – Позвольте представиться: Василий Иванович Хома, адъюнкт в университете Святого Владимира.

– Благодарю вас, вы очень любезны, Василий Иванович. Рада была бы обратиться к вам за помощью, но, я так понимаю, воскрешать мертвых вы не умеете?

Василий вздрогнул и расстроился: «Я от всего сердца, а она надо мной смеется!»

– Прошу вас, не обижайтесь на меня, Василий Иванович. Я сама не своя, у меня тоскливо и горько на душе. Из моей жизни, из этого мира ушел человек, который был мне очень дорог... – Незнакомка помолчала, борясь с чувствами. – А я не поехала на кладбище проводить его в последний путь. Я дурно поступила?

«Выходит, эта женщина отстала от похоронной процессии? Видимо, этот человек был связан с нею не родственными, а иными узами. Вряд ли муж, скорее возлюбленный, жених, любовник».

– Вы так переживали, что в церкви даже упали в обморок. Куда вам было ехать на кладбище? Вы поступили разумно и не корите себя этим.

– Вы благородный и очень добрый человек, Василий Иванович. Простите меня, я ведь до сих пор не назвала себя. Ангелина Феликсовна Маркова.

– Очень приятно с вами познакомиться, Ангелина Феликсовна. – Женщина Василию чрезвычайно нравилась, но, непонятно почему, он ощущал неловкость, смущался, не зная, что говорить и как себя вести. – Жаль, что поводом для знакомства послужили столь невеселые обстоятельства.

– Невеселые... – Ангелина плотно сжала губы, словно делала над собой усилие, чтобы не наговорить лишнего.

Василий смутился еще больше.

– Прошу прощения за то, что сказал глупость.

– Возможно, в будущем он стал бы моим супругом... Впрочем, не важно, чьим супругом он мог стать. Ужасно то, что его больше нет! – Ангелина разволновалась, казалось, что вот-вот она зарыдает.

– С этим вам надо смириться.

– Вы правы – хорошо, что я не поехала на кладбище! – вдруг быстро, даже с лихорадочной поспешностью стала говорить Ангелина. – Не надо было приходить и на отпевание, ведь это был всего лишь спектакль.

– Спектакль?

– Именно – дешевый спектакль! Ничего не изменится после отпевания для человека, который при жизни не верил в Бога. Он называл себя агностиком, смеялся над попами. Бог есть Любовь, он всегда готов принять нас такими, какие мы есть, и простить любого грешника и даже разбойника, как сделал Иисус на кресте. Но тогда разбойник раскаялся и сам попросил у Иисуса: «Помяни мя, Господи!» Другой разбойник с издевкой сказал: «Если ты Христос, спаси себя и нас». Этот преступник отвергал Бога, и это был его собственный выбор. К сожалению, Жорж никогда не окажется в Царствии Божьем и мы с ним не увидимся, если я там окажусь.

Василь остолбенел от такого резкого перехода. И как истолковать ее слова? Пока он думал, затянув паузу, Ангелина попросила:

– Окажите мне услугу – найдите извозчика. Я вас тут подожду.

Василь, оставив ее, направился быстрым шагом к Владимирскому собору, возле которого всегда стояли извозчики. Но, когда через несколько минут он в экипаже подъезжал к

месту, где оставил свою спутницу, Ангелины там не было – она словно растворилась в воздухе. Василь посмотрел вправо, влево – бульвар был пустынный. Он обязательно заметил бы ее, тем более что далеко уйти она не могла. Чтобы так быстро исчезнуть из поля зрения, она должна была зайти в университетский ботанический сад, что было маловероятно в столь позднее время, или в один из ближайших домов. Но, если здесь живут ее знакомые и она собиралась к ним зайти, зачем надо было его отсылать за извозчиком? Впрочем, какой смысл гадать, что за мысли роятся в хорошенькой головке барышни?

4

На небольшой полянке посреди глухой лесной чащи, возле конусообразного шалаша, сооруженного из срубленных молодых деревьев, сидела на корточках старуха Ломозьянка. Она время от времени помешивала варево в чугушке, обложенном горящими поленьями, при этом что-то бормотала. Вдруг она прислушалась и насторожилась, потом напряглась, словно готовилась в любой момент броситься бежать. Послышался шум, обычно сопровождающий передвижение людей по лесу, и чем больше он усиливался, приближаясь, тем она становилась спокойнее.

К шалашу вышел казак Данила, ведя лошадь под уздцы, а старуха даже не подняла голову, казалось, поглощенная своим занятием. За лошадью на прикрепленном к седлу аркане, шатаясь, брел связанный юноша лет семнадцати-восемнадцати. Богатая одежда на нем была разорвана, на голове не было шапки, изо рта торчал кляп, а на лице имелись множественные кровоподтеки и ссадины. Юноша с немой мольбой посмотрел на старуху у костра, прося у нее помощи, но, натолкнувшись на ее ненавидящий взгляд, лишился остатков сил и рухнул на траву. Лошадь протащила его по земле несколько метров и остановилась.

– Четыре дня тебя не было, зато добыча у тебя знатная – шляхетная! Не вижу радости на твоём лице, – молвила старуха. – Ведь это никак сам паныч Вацлав – кривдник твоей невесты.

– Убил я побратима – Петра, – глухо произнес Данила, с ненавистью взглянув на старуху. – Защищал он паныча, долг перед ним выполнил, не пожалел своей жизни, а я – его! Кровь его на мне! Если ты, ведьма, солгала и не оживишь Христину, клянусь: пожалеешь, что не умерла тогда от моей сабли!

– Я не Иисус Христос, чтобы оживлять мертвых.

При этих словах у Данилы злобно сверкнули глаза и его рука легла на рукоять сабли.

– Обещала тебе вернуть душу Христины, а не ее тело! Обещание свое я выполню.

– Обмануть хочешь меня, ведьма? Душа невидимая, взгляд ее не уловит!

– Вернется душа Христины в этот мир в другом теле, узнаешь ее в нем.

– Как это?

– Из Священного Писания известно, что душа человека на третий день после смерти отправляется в путешествие в небесные обители и адские бездны, знакомится с великолепием рая и ужасами ада, после чего является на поклонение Богу и узнает, какова ее дальнейшая участь. Пока душа не покинула землю, ее можно с помощью колдовского ритуала вернуть, но не в прежнее, а в новое тело.

– Какое новое тело? Откуда оно возьмется?

– Об этом я уже позаботилась. Не пыталась сбежать от тебя, пока ты охотился на шляхтича, а сходила в село. Иди полюбуйся: Христина будет теперь даже краше, чем была прежде. – Ведьма кивнула в сторону шалаша.

Данила бросился туда и увидел внутри спящую девушку. Ведьма не обманула – девушка была моложе и красивее Христины.

– Смотри, а хочешь – потрогай. – Ведьма похотливо хихикнула. – Маковым зельем ее опоила, она спит крепким сном. Что хошь с ней делай – она не проснется.

– Что ты надумала, старая карга? Зачем ты ее сюда привела?

– Дурной ты, Данила! Я говорю тебе, а ты не слышишь. Это новое тело Христины, чтобы ты мог ее обнимать, любить, лелеять. Это как будто она старую негодную одежду скинула, а новую, более нарядную, надела.

– Что будет с этой девушкой... с ее душой?

– Ты что, не понимаешь? Отправится ее душа к Всевышнему. Мало прожила на свете, мало грешила – девственница она еще. Долго мучиться в чистилище не будет.

– Выходит, девушка должна умереть? Вначале Петро, теперь – она. Как ее зовут?

– Тебе какое дело? После ритуала она проснется Христиной, несколько дней будет не в себе, а потом все наладится. Или ты передумал вернуть Христину к жизни? Может, тебе эта девица приглянулась?

– Помолчи, ведьма. Дай подумать. – Данила погрузился в горестные размышления, не зная, как поступить.

– Думай, казак, думай. Только недолго. Для подготовки и проведения ритуала времени немало требуется, и надо успеть его закончить до того, как зайдет луна.

– Семь бед – один ответ! Слишком далеко зашел я, чтобы отступать. Делай свое дело – вари колдовское зелье! – Данила кивком указал на чугунок, в котором что-то булькало, издавая вкусный, дразнящий запах.

– Можешь отведать моего варева – суп это. Не бойся, поешь, не отравлю тебя.

– Сперва ты попробуй!

– По-прежнему не веришь мне, казак? Гляди, не отравлено оно.

Старуха достала миску, налила туда черпаком супа и стала с аппетитом есть. Данила несколько минут за ней понаблюдал, затем последовал ее примеру. Он тоже с аппетитом уминал горячее варево. Насытившись, Данила испытующе посмотрел на ведьму:

– Не верю я в то, что ведьминское слово крепкое. Думаю, что у тебя есть ко мне какой-то интерес, вот только не пойму, в чем он?

Старуха расхохоталась неприятным дребезжащим смехом.

– Прав ты, Данила. Прежде чем я тебе помогу, пообещай выполнить то, что я тебе скажу.

– Говори, может, не сойдемся мы в цене. – Данила вновь многозначительно положил руку на рукоять сабли.

– Преследует меня один человек – страшный! Чует мое сердце, что недалече он, подбирается ко мне. Мне потребуется твоя удаль молодецкая, казацкая, – убей его!

– Что я – убивец-душегуб с большой дороги? Толком расскажи, чего его боишься и почему он за тобой гонится.

– Ты прав, казак. Если не будешь знать всего, не сумеешь его одолеть. Расскажу я тебе свою историю.

– Слушаю тебя.

– Началась эта история очень давно, я тогда была молодая, красивая! – с гордостью произнесла морщинистая старуха.

– Верится с трудом!

– Родилась я в богатой семье шляхтичей. В шестнадцать лет я была обручена, через два года должна была выйти замуж. Вот только в мою жизнь вошел другой человек, и благодаря хитрости, умению говорить сладкие речи он соблазнил меня. Сбежала я с ним из родительского дома за месяц до свадьбы.

– Имя у твоего соблазнителя имеется? Сейчас он, наверное, глубокий старик!

– Имен у него множество, меняет он их постоянно, путешествует из одной страны в другую. С тех пор он не изменился, не в пример мне, – старуха горько вздохнула.

– Он колдун?

– В его руки попала колдовская книга, где рассказывается, как жить вечно. Когда мы встретились, уже тогда его возраст насчитывал сотни лет. И с ним мы немало лет прожили, многому я у него научилась. Ценил он меня, но все равно решил со мной расстаться, как и со многими до меня. Не захотел поделиться со мной секретом вечной жизни, не сохранил он мне молодость. Много горя я испытала, моя любовь к нему перешла в лютую ненависть.

Поклялась я себе, что отомщу ему ужасной мстью – лишу его бессмертия, чтобы он узнал, что такое старость и дряхлость! Не один десяток лет искала я его, успела состариться, но все же нашла, и его колдовская книга находится у меня. Теперь он смертен и умрет от старости и болезней! – Ведьма злорадно расхохоталась.

– Почему тогда ты его боишься? В этой лесной глуши ему тебя непросто отыскать.

– Сложно обычному человеку, а он – дьявол!

– Будь спокойна, если он тут появится, ему несдобровать, пусть он хоть сто раз колдун!

Моя сабля поразит его!

– Надеюсь на то, что и ты сдержишь свое слово.

Данила поднялся и, подойдя к шалашу, снова посмотрел на спящую девушку. По выражению лица казака можно было догадаться, что его гложут противоречивые мысли. Данила махнул рукой, словно отрубая и отбрасывая от себя нечто ненужное и невидимое.

– Приступай к ритуалу, ведьма! – скомандовал старухе Данила. – Пропадай моя душа – лишь бы вернуть Христа!

– Вынеси Христину и положи ее сюда, – велела старуха.

Казак осторожно поднял на руки девушку, вполголоса говоря: «Теперь ты моя Христинка, и больше я тебя никому не отдам!» – и выполнил требование ведьмы.

Вскоре на поляне запылали костры, обозначившие пентаграмму, в центре которой находилась спящая девушка. Ведьма достала книгу в дорогом сафьяновом переплете с золотыми вставками и начала читать глухим голосом слова незнакомые, необычные, неизвестно что обозначающие. Внезапно прервав чтение, старуха приказала:

– Веди сюда паныча!

Данила подошел к связанному Вацлаву, от страха ворочавшемуся на земле, и, схватив его за ворот, потащил к ведьме. Паныч как мог сопротивлялся, извивался ужом, пытался ногами зацепиться за кусты, вылезшие из земли корневища, но это ему не помогло.

Ведьма велела пленнику встать на колени. В руке у нее оказался нож, который она угрожающе приставила к его шее. Вацлав перестал дергаться, поняв, что его ожидает. Он мог только хрипеть, придавая этим звукам жалостливые нотки. Вдали послышался шум, словно кто-то грузный пробирался сквозь заросли, и вскоре стали слышны голоса. Было очевидно, что приближается группа людей. Старуха замолчала и обеспокоенно посмотрела на Данилу.

– Это по наши души! Нужно тикать, казак!

– Закончи ритуал, ведьма!

– Не успею – требуется много времени!

– Продолжай ритуал, иначе твоя душа отправится в ад значительно быстрее! – Данила вытащил кинжал, кольнул острием старуху, и та подскочила от боли.

Она стала читать еще быстрее, но, судя по выражению ее напряженного лица, ее мысли занимал отнюдь не ритуал. Внезапно совсем близко раздался громкий грубый голос, исполненный торжества:

– Сюда! Здесь они!

Послышался треск – кто-то лез напролом через кусты.

Ведьма опустила нож, Вацлав встрепенулся, упал на землю и, хотя был связан, пополз ужом к кустам. Данила выхватил саблю и бросился навстречу выскочившим на поляну двум гайдукам – видимо, это был передовой дозор. Они также обнажили сабли, но тот, который шел впереди, зацепился ногой за корень и упал. Данила не преминул этим воспользоваться. Сделав обманный выпад, он быстро, словно юла, развернулся на месте, и его кинжал вошел в бедро гайдука. От боли у того подогнулись колени и он упал на землю. Второй гайдук успел подняться, но острие сабли Данилы уже застыло у его шеи.

– Хочешь жить – бросай саблю! Не вынуждай меня, Максим! – прорычал Данила, узнав сотоварища.

Гайдук на мгновение застыл, затем отбросил саблю, а потом и кинжал. Раненый гайдук поднялся, но с трудом удерживал равновесие. Данила обернулся, ища взглядом ведьму, но той уже не было. Этим воспользовался безоружный гайдук, молниеносным движением он выхватил из-за голенища спрятанный там нож и метнул его в Данилу. Тот едва успел увернуться. Гайдук, сделав длинный кувырок, в одно мгновение подхватил с земли саблю. Однако Данила оказался проворнее, его сабля, сверкнув, словно молния, как тростинку перерубила запястье гайдука. Тот взвыл от боли; обхватив здоровой рукой обрубок, из которого хлестала кровь, он с ужасом смотрел на лежащую на земле отрубленную кисть, по-прежнему сжимающую рукоять теперь уже бесполезной сабли.

– Прости, Максим, не хотел я тебя увечить! – Данила диким взглядом налитых кровью глаз оглядел поляну.

Девушка по-прежнему безмятежно спала, ее неестественный сон ничто не могло нарушить. Паныч Вацлав лежал неподвижно, под его головой расплылась лужа крови: убегая, ведьма Ломозянка успела лишить его жизни. Шум, свидетельствующий о приближении множества людей, нарастал. Данила наметанным взглядом окинул поляну и, обнаружив едва заметные оставленные ведьмой следы, бросился за ней, на прощанье по-отечески перекрестив спящую девушку.

Данила бежал легко, саблю он держал двумя руками над плечом, направив лезвие за спину, чтобы оно не цеплялось за ветки. Однако погоня не отставала – видимо, преследователи отрядили вперед несколько человек налегке.

Преклонный возраст и тяжелая книга не позволяли ведьме Ломозянке бежать долго и быстро, не прошло и часа, как Данила ее настиг. Старуха лежала на земле, тяжело дыша, широко открыв рот, – силы ее оставили. Колдовскую книгу она крепко прижимала к груди.

– Ну что, колдунья, пришел твой последний час! Обманула ты меня – не вернула к жизни Христинку! – Данила острием сабли подцепил колдовскую книгу, намереваясь отбросить ее в сторону, но ведьма еще крепче прижала ее к себе.

– Не все еще потеряно, казак! Свидишься с Христиной, если колдовская книга будет в твоих руках.

– Снова обманываешь, ведьма?

– Сил у меня больше нет бежать. Забери эту книгу и спрячь, чтобы не попала она ему в руки...

– Кому?

– Настоящее его имя – Николя...

Из кустов раздался выстрел, и Данила, схватившись за грудь, упал на землю. Страшная боль сжигала его изнутри, он стиснул зубы, чтобы не застонать. Его сознание затуманилось, он увидел приближающиеся темные безликие фигуры, напоминающие монстров из преисподней, и провалился в темноту.

– Кончился Данила. – Низенький юркий гайдук с еще дымящимся пистолем подошел к лежащему на земле казаку. – Его душа отправилась в преисподнюю.

– Знатный был рубака – против него никто в сабельном бою не мог выстоять. – Гайдук постарше со шрамом на щеке стянул с головы шапку и с грустью глядел на неподвижное тело Данилы. – Сгубила его чарами ведьма. Петра, своего побратима, не пожалел, да и Максим, наверное, не выживет. – Гайдук в сердцах плюнул. – Андрей теперь не ходок, придется его нести.

– Пуля уравнивает шансы большого и маленького, сильного и слабого, – кичливо заметил низенький гайдук.

– Не по-лыцарски это.

– А то, что он с ведьмой зарезал молодого паныча, – по-лыцарски? – Низенький гайдук злобно осклабился.

Гайдук со шрамом ничего на это не сказал, он не спеша догнал старуху, которая пыталась уползти в кусты, не расставаясь с книгой в богатом переплете. Гайдук припечатал ведьму к земле ногой, словно собираясь раздавить.

– Стой, паскуда! – Наклонившись, гайдук вырвал у старухи книгу.

– Похоже, это та самая, за которую панотец Сильвестр пообещал отвалить полсотни серебряных талеров.

– Она самая! – обрадовался юркий гайдук. – Спрячь ее под жупан, чтобы пан возный не отобрал.

Тем временем подоспели основные силы отряда во главе с возным и монахом-бенедиктинцем.

– Пан возный, как поступим с казаком Данилой и ведьмой? Ведьма вот-вот очокурится. Дорога назад не близкая, а у нас двое раненых и тело паныча Вацлава – царство ему небесное!

Возный думал недолго.

– Ведьму и казака повесить!

Через ветку кряжистого дуба перекинули веревку с петлей, к которой притянули визжащую и насылавшую на всех проклятия старуху. Надели ей на шею петлю, пристав взмахнул рукой, и старуха взвилась вверх, исполняя «танец висельника». Несколько минут – и ее тело обвисло, у нее неестественно вытянулась шея. Лицо ее посинело, глаза выпучились и застыли, из раскрытого рта вывалился синий язык.

Тем временем монах с надвинутым на лицо капюшоном, отойдя в сторону и пользуясь тем, что остальные наблюдали за казнью ведьмы, незаметно произвел обмен серебра на колдовскую книгу и сразу спрятал ее под сутаной.

– Пан возный, – заговорил самый старший из гайдуков, – негоже казаку рядом с ведьмой на одной ветке болтаться. Славный был казак Данила, да ведьмы его сгубили, вначале молодая, а затем эта старуха. Натворил он лихих дел, за что понес наказание и уже держит ответ перед Богом. Два раза он не умрет, да и не заслужил такого позора.

Гайдуки одобрительно загудели.

– Будь по-вашему, – вынужден был согласиться пристав, недовольно скривившись. – Его труп останется в лесу на поживу диким зверям. Пусть лежит там, где его смерть настигла. Возвращаемся!

– Побуду я тут, помолюсь, – сказал монах приставу. – Дорогу я запомнил, успею вернуться до темноты.

– Святой отец, за кого собираешься молиться – за ведьму? – поразился пристав. – За казака, пролившего кровь своих побратимов и молодого паныча?! Их души пропащие и направляются прямехонько в ад!

– Мое дело молить Бога о прощении даже закоренелых преступников. Наш Спаситель, Иисус Христос, даровал Царство Небесное убийце, распятому рядом с Ним на кресте, за то, что тот уверовал в Него. Пути и замыслы Господни неисповедимы.

– Твое дело! Ну а Бог всегда с тобой – выведет из дремучего леса и спасет от диких зверей.

Монах сделал вид, что не уловил насмешку, опустился на колени в шаге от распростертого тела казака и, отрешившись от всего, стал молиться. Когда отряд гайдуков скрылся из виду, монах встал и подошел к телу Данилы. Наклонился, нащупал пульс на шее казака, затем перевязал ему рану. Достал из-под сутаны фляжку, ножом открыл казаку рот, поправил язык и осторожно влил в глотку немного жидкости темно-коричневого цвета. Через несколько минут Данила задышал и его щеки порозовели. Довольный монах подошел к повешенной ведьме, у которой лицо почернело, а язык стал сизого цвета.

– Возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его!¹⁴ – громко на латыни произнес монах. – Чего ты добила, Евфимия¹⁵? Книга снова у меня. Ошиблись родители, давая тебе имя. Не благочестивая ты, а воровка!

* * *

Сон улетучился, а Василь еще долго не мог прийти в себя. Его вновь посетило удивительное сновидение, связанное с предыдущим. Только первое нашло реальное подтверждение в «черной книге», а это, возможно, лишь следствие игр подсознания. Василь был далек от психиатрии, но читал работы модного австрийского психиатра Зигмунда Фрейда о сновидениях и роли подсознания в жизни человека. Теперь его самого посетили два удивительных сна, иллюстрирующие реальные события прошлого. Интересно, как знаменитый психиатр прокомментировал бы их?

Увлечение модными теориями скандально известного австрийского психиатра¹⁶ не обошло Киев, и Василь в газетах нередко наталкивался на рекламу доморожденных «психоаналитиков». Сам Василь скептически отнесся к книге «Толкование сновидений» и прочитал ее лишь из-за настойчивых рекомендаций своего товарища – Дмитрия Кожушко-Девиржи. Из этой книги следовало, что в сновидениях отражаются наши скрытые желания в образной форме, и толковать эти образы может психоаналитик, задавая наводящие вопросы, а сам сновидящий рассказывает о возникающих при этом ассоциациях, которые могут оказаться нелепыми и даже непристойными. Согласно теории Фрейда, во сне исполняются наши нереализованные желания. Сон – это своеобразная замена желаемых действий, которые спрятаны в подсознании.

В снах Василя события были вполне конкретными, без всякой иносказательности, они не прятались за символами, которые следовало толковать. Реальные события прошлого чудесным образом всплыли в его сновидениях. Но почему этого с ним раньше не случилось? И почему ему снятся события, связанные с трагической судьбой девушки Христины и ведьмы Химы Ломозянки? У Василя возникло ощущение, что он получил весточку из прошлого, которую должен расшифровать, – для чего ему эта информация и кто отправитель? Скорее всего, отправитель этих сообщений находится в потустороннем мире. От такого предположения Василя прошиб холодный пот, и он перекрестился.

¹⁴ Откр. 22:12.

¹⁵ Имеется в виду Евфимия Всехвальная, христианская святая, почитаемая в лике великомучеников.

¹⁶ Зигмунда Фрейда долгое время общественность порицала из-за теории, что в основе поведения человека лежат сексуальные инстинкты.

5

Утром профессор Черен, войдя в вестибюль университета, увидел нетерпеливо переступающего на месте Василя. По выражению его лица профессор понял, что произошло нечто важное, но не стал задавать вопросы, пока они не уединились в одном из подсобных помещений библиотеки. Василь подробно рассказал об увиденном во сне.

– Что вы об этом думаете, господин профессор? Почему второй сон является продолжением первого? Или, может, первый сон на меня так повлиял, что вчерашний стал фантазией моего подсознания?

– Выходит, цыганка не обманула, – задумчиво произнес профессор.

– Какая цыганка?

– Это очень давняя и длинная история. – Профессор вынул из кармана часы-луковицу на серебряной цепочке, чтобы узнать время. – После утренней лекции я зайду к вам в библиотеку. Вы найдете для нас место, где никто не помешает нашей беседе?

– Несомненно, профессор.

Ночной сон и предстоящая встреча с профессором, по-видимому собиравшимся сообщить что-то весьма важное, взволновали Василя. Как ни пытался он сосредоточиться на работе, мысли то и дело возвращались к сновидениям. Профессор появился в библиотеке в обеденный час, когда там было безлюдно. Василь, помня просьбу профессора, провел его в хранилище неразобранных книг, не так давно полученных из частной коллекции.

– Пришло время рассказать вам эту историю. Пять лет тому назад я работал в Индии, в составе английской археолого-этнографической экспедиции. Руководство экспедиции получило информацию, что в джунглях, на землях племени мунда, находятся развалины древнего города, тщательно оберегаемые этим племенем. Руководством экспедиции было принято решение послать на поиски этого города трех археологов, в их число попал и я. Племя мунда и их соседи, дравидийское племя гонда, имели дурную славу: известно, что в не столь отдаленные времена они практиковали человеческие жертвоприношения. Поэтому наша маленькая экспедиция отправилась в этот чрезвычайно опасный район в сопровождении вооруженной охраны.

– Разве человеческие жертвоприношения возможны в наше время? – невольно вырвалось у Василя.

– Считается, что этот ужасный обычай был искоренен в Индии англичанами полсотни лет назад, но и ныне там нередко бесследно исчезают люди. Тела не находят, и поэтому невозможно установить, что с этими людьми произошло. Нашими охранниками стали сержант и четыре солдата колониальных войск. Все сипай¹⁷ – коренные индийцы. Большую часть пути мы проделали пешком, шли в край джунглей и гор. Наш багаж несли нанятые носильщики. До нужного нам селения мунда мы добрались через неделю и были крайне утомлены. Селения этого племени малочисленны, члены его называют себя «хороко» – «люди». Мунда – это их староста, а англичане, толком не разобравшись, назвали так племя.

– Не ожидал, что в Индии возможны столь варварские обычаи. Индийцы-арии создали в древности высокоразвитую цивилизацию, поражающую воображение, и как с этим соотносить кровавые ритуалы? – засомневался Василь.

– Арии на полуострове Индостан – пришлый народ. Есть гипотеза, что мунда и дравидийские племена – остатки коренного народа, который населял полуостров до ариев. Это была высокоразвитая цивилизация, но она погибла в результате падения огромного

¹⁷ Наемные солдаты в колониальной Индии (XVIII – первая половина XX в.), рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами из местного населения.

метеорита. Сторонники этой гипотезы называют эту легендарную цивилизацию Лемурией. Выжившие представители этого народа, не имея возможности возродить погибшую цивилизацию, постепенно деградировали, стали людьми примитивными. Возможно, этому еще поспособствовало то, что после завоевания Индии ариями их сделали низшей кастой. Человечество может двигаться как в сторону прогресса, так и регресса.

– Я читал о Лемурии, но полагал, что это фантастическая версия.

– Возможно, когда-нибудь в труднодоступных уголках нашей планеты найдутся доказательства этой гипотезы, пока имеются лишь неубедительные факты, но я отвлекся. Большинство членов экспедиции, в том числе и я, горели желанием найти доказательства существования Лемурии, поэтому с восторгом восприняли возможность исследовать заброшенный город в джунглях, несмотря на трудности и опасности пути. Селение племени мунда поразило и разочаровало нас крайне примитивным уровнем жизни и чуть ли не первобытнообщинным укладом. Ничто не указывало на то, что они потомки высокоразвитой технологической цивилизации Лемурии. Одеждой у мужчин служили метровые лоскуты материи, пропущенные между ног. У женщин были лишь набедренные повязки, зато множество украшений на шее, руках, ногах: ожерелья, браслеты, серьги, кольца в носу, гребни. И еще татуировки на лбу, щеках, висках. Мунда смуглые до черноты, низкого роста, с большими губами, черными волнистыми волосами, выпуклыми глазами, похожие на эфиопов.

Селение, куда мы попали, состояло из отдельных хуторков, каждый был огорожен плетнем из бамбука, жилища были сделаны из глины и тростника. Мы поселились у старосты, во владении которого было четыре хижины из плетеного бамбука и глины. Одну из них он нам предоставил. Зайдя в отведенное нам жилище, мы сразу поняли, что на нормальные условия проживания нам рассчитывать не приходится. Наша охрана отнеслась к местным жителям презрительно и крайне недоброжелательно, при общении с ними, низшей кастой, охранники подчеркивали свое превосходство. Для нас стало полной неожиданностью, когда сержант объявил, что у него имеются неотложные задания, поэтому он с солдатами нас покинет, вернется через неделю, чтобы сопровождать экспедицию на обратном пути. Успокоил лишь тем, что теперь за нашу безопасность будут отвечать староста селения и жрец, которые предупреждены, что им, да и всем жителям селения, несдобровать, если с нами что-либо случится. Еще большей неожиданностью было то, что нас покинули носильщики, которых не прельстило двукратное увеличение платы за их работу.

Из нас троих только профессор Джон Уотерс мог как-то изъясняться с местными жителями, так как их язык совсем не похож на хинди. Перед уходом сержант проинструктировал нас, что мы должны делать, если не хотим беды на свою голову: не заходить в хижины в отгороженную часть, где находится домашний алтарь хозяев, обходить стороной ритуальные площадки, священные рощи-сарны, где обитают сельские духи хату-бонга, и кладбища. После ухода солдат староста селения стал нас настойчиво отговаривать от похода в заброшенный город, но затем сдался и выделил нам проводников и носильщиков.

Проведя ночь в ужасных условиях, утром мы отправились на поиски города, но проводник, вконец измучив нас, так туда и не привел. Он пояснил, что сам не понимает, как это произошло. Видимо, их божество бонга этого не желает. Джон даже угрожал проводнику револьвером, пообещал, что застрелит его, если тот не покажет дорогу, но проводник, ползая в ногах, клялся местными богами, что и в самом деле не может найти заброшенный город. Никто из нас не поверил ему, но, судя по всему, для него смерть была менее страшна, чем то, что с ним могло произойти, если бы он привел нас в заброшенный город. Когда поздним вечером мы вернулись в селение, староста, для видимости посетовав по поводу нашей неудачи, пообещал дать нового проводника, но тут же предположил, что раз боги не хотят, то и этот не найдет дорогу. На следующий день мы проснулись очень поздно, ощущая ужасную подавленность и слабость. Староста сразу же заявил, что это еще одно подтверждение того,

что боги не хотят, чтобы мы продолжали поиски города. Мы бесцельно провели три дня в селении, правда, я обнаружил сходство их языка с наречием одного алтайского племени, которым я владею, и с горем пополам смог изъясняться с ними.

У нас возникло подозрение, что наша внезапная слабость не наслана местными богами, – скорее всего, нас опоили каким-то снадобьем, добавив его в воду. Местную пищу мы не ели – своих съестных припасов у нас было достаточно, – а вот воду приходилось пить. Но теперь мы стали сами набирать воду из источника. Не скажу, что у меня с моими спутниками-англичанами Джоном Уотерсом и Ричардом Эвансом были дружеские отношения, скорее даже наоборот. Не буду я углубляться в причины нашей взаимной неприязни, но она между нами имелась. Однажды я заметил необычное оживление в деревне, и у меня возникло предположение, что ее жители к чему-то готовятся. Мои подозрения усилились, когда староста зашел к нам и пообещал дать проводников, которые отведут нас завтра в древний город. Еще вчера он отговаривал от поисков, а сегодня сам пришел с предложением их продолжить! Так случилось, что я накануне подвернул ногу и, хотя мне ее вправили, требовалось время, как минимум день отдыха, прежде чем я смог бы совершить длительный переход. Мои спутники категорично заявили, что не могут больше ждать и с рассветом отправятся в путь. Я выразил желание, несмотря на больную ногу, идти с ними, но мне сказали, что я буду им обузой.

Ранним утром мои спутники в сопровождении проводника и носильщиков вышли из селения, и сразу после их ухода в нашу хижину наведался староста. Когда он увидел меня, на его лице проявилось разочарование, перешедшее в гримасу недовольства, и он сразу же выскочил из хижины, словно я был их злобным демоном бонга. Однако в полдень староста снова пришел и принес большую плетеную корзину, источавшую аппетитные запахи. В глиняной миске оказался рис с большими кусками обжаренного мяса, в кувшине – местное пиво, изготавливаемое из риса, которое довольно приятно пить в жару. Ранее они предлагали нам более скудную пищу – блюда из бобов и кукурузы. Знаками староста показал, что у них сегодня праздник и это праздничное угощение. Он явно хотел, чтобы я незамедлительно приступил к трапезе. Такая настойчивость возбудила во мне подозрение, и я знаками же показал, что буду есть, когда почувствую голод. Нескрываемое недовольство на лице старосты укрепило меня во мнении, что дело тут нечисто. После ухода старосты я избавился от угощения – закопал его в углу хижины, но, прежде чем вылить пиво, я не удержался и сделал небольшой плоток. Через некоторое время я понял, что поступил опрометчиво, – почувствовал тяжесть во всем теле и головокружение. Я едва добрался до циновки, которая служила мне постелью, и, несмотря на то что меня донимали всевозможные насекомые – летающие и ползающие, провалился в глубокий сон.

Очнулся я в полной темноте. Окон хижина не имела, поэтому даже днем в ней царил полумрак, но такая густая темнота могла быть только ночью. Снаружи раздавались какие-то возгласы и варварская музыка, и это подтверждало сообщение старосты, что в селении праздник. То, что я выпил всего глоток пива, позволило мне проснуться значительно раньше, чем рассчитывал староста.

Я осторожно выбрался из хижины. Решив удовлетворить свое любопытство, я сразу направился к хижине старосты, окруженной дополнительной глиняной оградой, за которой находилось домашнее святилище, куда нам вход был запрещен. То, что я увидел, меня разочаровало: судя по всему, здесь находились кухня и столовая многочисленного семейства старосты. Но тут мое внимание привлекла еще одна загородка. Я проник за нее, и от увиденного у меня зашевелились волосы на голове. Глиняная уродливая фигурка божества была слеплена весьма неумело, но в ней я сразу узнал богиню Кали, жестокую форму Дэви¹⁸. У

¹⁸ Богиня-мать, воплощает в себе активную энергию и силу мужских форм бога.

подножия этого отвратительного божества находились высушенные человеческие головы! Их было не меньше двух десятков, и среди них много детских! Мне был известен тайный культ Дэви-Кали, казалось, искорененный англичанами полстолетия тому назад, когда было казнено несколько тысяч тхагов¹⁹. Но у племени мунда культ богини Кали стал еще более уродливым и кровожадным. Я поспешно покинул владения старосты и, осторожно продвигаясь, направился туда, откуда доносился шум.

Селение опустело, даже на центральной площади, акре, где, казалось, день и ночь сидели под кронами деревьев старейшины, никого не было. Судя по доносившимся звукам, празднование проходило в священной роще. Мне вспомнилось предупреждение сержанта, что туда не следует соваться под страхом смерти, но я не мог совладать со своим любопытством. На всякий случай я вернулся в свою хижину и вооружился пистолетом «маузер».

Священная роща – это несколько десятков деревьев, островок джунглей, отступивших вследствие сельскохозяйственной деятельности мунда. Мне удалось незаметно пробраться туда, прячась за деревьями. Я увидел в свете пылающих костров и факелов, что жители селения, мужчины и женщины, образовали четырехугольник, внутри которого что-то происходило. Чтобы увидеть, что же там творится, я вскарабкался на дерево. Меня мучило предчувствие, что я увижу чудовищные сцены обряда, посвященного богине Кали, но то, что открылось моему взору, меня несколько успокоило.

Трое подростков с завязанными глазами, вытянув вперед руки, двигались внутри этого прямоугольника, словно играли в некую игру. Когда они приближались вплотную к соплеменникам, те отгоняли их бамбуковыми палками с заостренными концами. Вскоре я понял, что мунда таким образом подталкивали подростков в сторону двух деревьев, между которыми была натянута веревка на высоте человеческого роста, на которой висели какие-то тряпки. Наконец один из подростков прошел под веревкой, задев белую тряпку, и сразу мунда издали вздох разочарования и гнева. Другой юноша, пройдя под веревкой, задел темную тряпку, и тогда раздались восторженные возгласы. Появился жрец, сорвал с веревки нечто, для меня невидимое в полумраке, и стал им размахивать. Несчастного подростка схватили, повалили на землю, и не успел я опомниться, как жрец огромным каменным ножом отсек ему голову, слил кровь в глиняную чашу и стал что-то выкрикивать.

Двух оставшихся юношей подвели к жрецу, и тот сделал характерный жест, веля их убить. Немедленно их повалили на землю. Я не смог оставаться безучастным зрителем, выхватил «маузер» и выстрелил несколько раз, попав в руку жрецу, и тот с дикими возгласами повалился на землю. Испуганные мунда стали разбегаться в разные стороны. Я быстро спустился на землю и бросился к несчастным подросткам. Увы, один из них был уже мертв, но другой был жив, цел и невредим. Рядом корчился раненый жрец-убийца, возле которого лежала голова юноши, принесенного в жертву, и я в ярости стукнул пистолетом жреца по голове. Лучше бы я его пристрелил! – в сердцах воскликнул профессор и продолжил: – Спасенный вскрикнул, и я по голосу понял: это девушка!

В голове у меня был сумбур, мысли налетали друг на друга, я не знал, что делать. Мое состояние было близким к истерике. Схватив девушку за руку, я потащил ее за собой, не представляя, куда надо бежать: в селение или прочь от него? Девушка молча повиновалась мне.

– Я вам очень благодарна за спасение! – неожиданно произнесла она на английском.

¹⁹ Тхаги – тайная секта душителей в Индии, действовала на протяжении многих столетий. Члены секты поклонялись Кали. Носили при себе белые платки, которыми душили, мотыги для закапывания жертв. Считается, что секта прекратила свое существование в первой половине XIX века, после проведенных англичанами массовых казней ее членов.

– Рано благодарить, боюсь, что опасность не миновала. Эти дикари вскоре придут в себя, и тогда нам обоим несдобровать! – истерично выкрикнул я, мысленно пересчитывая оставшиеся в «маузере» патроны.

– Позвольте мне стать проводником, поверьте, я эти места изучила очень хорошо за шесть месяцев пребывания здесь.

Говорила она правильно и довольно хладнокровно, и это подействовало на меня успокаивающе. По тому, как она выстраивала фразы на английском, я сделал заключение, что она человек вполне цивилизованный, и я не мог понять, как эта девушка сюда попала. Рассмотреть ее я не мог из-за темноты, одета она была, как мунда, – кусок материи вокруг бедер, так что скорее она была раздета. Она повела меня не в джунгли, а в сторону гор. Я уже не держал ее за руку, она легко бежала впереди, я еле поспевал за ней. Мы взобрались на довольно крутую скалу, и там, увидев, что я запыхался, она разрешила мне несколько минут передохнуть.

– Лучше бы нам скрыться в джунглях, – высказал я запоздалое соображение.

– Племя мунда – лесные жители, они там лучше ориентируются, чем вы в городе. Продвигаясь по джунглям, мы оставили бы массу следов: сломанные ветки, примятую траву. Камни не сохраняют следов. Единственное, но существенное неудобство – тут мы не найдем еды и воды. И углубиться в горы мы не сможем – там везде отвесные скалы. Однажды я пряталась в горах четыре дня, но жажда вынудила меня отправиться к источнику – он единственный известный мне, там меня снова схватили.

– Кто вы? – Как я ни старался, не мог ее рассмотреть – смуглое тело девушки почти сливалось с темнотой.

– Обычно джентльмен представляется первым.

Я назвал себя и в двух словах рассказал, откуда приехал и зачем.

– Какое странное название у города – Кийов! – рассмеялась девушка. – Нам пора идти, еще будет время для беседы.

Я выбился из сил, когда она указала на большой камень, и общими усилиями мы его сдвинули – открылось небольшое отверстие, чуть больше лисьей норы. Тонкая и гибкая, она в мгновение ока, словно ящерица, проникла внутрь. Я же стоял в нерешительности, не рискуя отправиться следом, боясь застрять в этой норе, словно пробка в бутылке.

– Не бойтесь, мистер Богдан. Разденьтесь догола, так вам будет проще пролезть.

При свете дня в присутствии юной девушки я ни за что не решился бы на это, но под покровом ночи, слыша вдали подозрительные звуки, которые вполне могли издавать дикари, идущие по нашему следу, я так и сделал. Скажу, что пробраться в пещеру было непросто, на моем теле остались кровоточащие ссадины. Пещера оказалась довольно просторной. Девушка выскользнула наружу и, вернувшись, пояснила, что замаскировала вход большим высохшим кустом. Затем, следуя ее указаниям, я взялся за ее горячее обнаженное плечо и мы прошли вглубь пещеры. Тут было довольно прохладно, но я был одет, а каково было девушке? Я предложил ей свою рубашку, но она, рассмеявшись мелодичным смехом, отказалась.

– Меня зовут Гаянэ Арутюнян, я родилась в Карсе.

– Это в Турции?

– Некогда это была территория Великой Армении. Мой отец был очень богатым человеком, владел ювелирными магазинами. Когда начались беспорядки по всей Турции, преследование и убийства армян, отцу чудом удалось вывезти меня и маму в Египет, позднее мы переехали в Индию. Отец вновь занялся торговлей, но в значительно меньших масштабах. Меня выкрали на рынке неизвестные люди, и полгода тому назад я оказалась в этом селении в качестве пленницы.

– Для чего это потребовалось дикарям? Я не могу называть их по-другому после того, что увидел.

– Племя мунда с незапамятных времен практикует человеческие жертвоприношения – ондоку, когда требуется предотвратить какое-то несчастье или умиловить их богинь, Кали или Дургу. Для этого у них под рукой всегда есть пленники, которых похищают, покупают, выменивают, или же используют для этого чужака, случайно оказавшегося в деревне. Дочь старосты укусила кобра, жрецу удалось сохранить ей жизнь, но она пребывает в беспмятстве уже пять дней. И вот жрец объявил, что надо провести мерью – ритуал жертвоприношения детей. Выбор пал на меня – мне скоро исполнится пятнадцать, – Самуила и Ахмета. Самуил, двигаясь с завязанными глазами, задел красный лоскут материи, и его принесли в жертву богине Дурге.

– Какой ужас!

– К сожалению, мы здесь в ловушке и долго не продержимся без воды и еды. Вы спасли мне жизнь и тем самым навлекли на себя смертельную опасность.

– Через три дня сюда вернутся солдаты и эти негодяи будут бессильны что-либо с нами сделать.

– Дай бог, чтобы так и было, – грустно произнесла Гаянэ.

Трое суток – я следил за временем по своим часам – мы просидели в пещере, в полной темноте, не рискуя даже ночью покинуть наше убежище, страдая от голода и жажды. Желание пить мучило меня постоянно, вызывая галлюцинации. Чтобы хоть немного утолить жажду, мы облизывали холодные камни. На четвертые сутки я решил пойти на разведку, подобраться поближе к селению. Гаянэ категорически отказалась остаться ожидать меня в убежище, и мы отправились вместе.

При свете дня я впервые смог рассмотреть Гаянэ. Хотя девушка была несколько замурзана и истощена, она была красива и лицом, и телом. Мне было очень неловко, хотя я и старался не смотреть на ее обнаженные прекрасные девичьи груди. На этот раз она не отказалась от предложенной мною рубашки. Мы двигались крайне осторожно. К нашему удивлению, мы не увидели по пути ни работающих мунда, ни пасущегося скота. Издалека селение выглядело безлюдным, и нехорошее предчувствие овладело мной. Несмотря на уговоры Гаянэ, я решился на безрассудный поступок – отправился в селение, сжимая в руке «маузер». Оно встретило меня непривычной тишиной. Опасаясь ловушки, я обошел все хуторки, и везде было пусто – ни людей, ни скота. Обрадовавшись, я вернулся за Гаянэ, и мы помчались к источнику – наслаждаться живительной влагой, которая была вкуснее всех напитков в мире. Вернувшись в селение, в одной из хижин мы обнаружили черствую лепешку, которую поделили пополам.

Солдаты пришли в селение лишь через двое суток. Сержант, узнав о моем поступке, ужасно разозлился, ведь мои неразумные действия могли стоить жизни археологам, отправившимся в заброшенный город. Что касается мунда, то это полукочеевое племя и ему не составило труда быстро сняться и перейти на другое место, чтобы избежать репрессий за человеческие жертвоприношения, пояснил он.

Опасения сержанта оправдались: недельное ожидание ничего не дало, археологи не вернулись. Оставив в селении двух солдат, сержант и мы отправились в ближайший город. Насколько мне известно, о судьбе англичан-археологов никто ничего не знает, не думаю, что они живы. Мне запретили продолжать работу в экспедиции, но археология для меня отступила на второй план – я влюбился в Гаянэ, которая вернулась к родителям. Я поселился рядом с их домом, почти все время проводил с Гаянэ, к чему весьма неодобрительно отнесся ее отец – ему не нравилась большая разница в возрасте между мною и ею и то, что я не армянин. Если первое для него было не такой уже большой преградой, то второе – решающим обстоятельством. Но Гаянэ ответила мне взаимностью, и это не было ее наградой за спасение. Она и в самом деле полюбила меня! – Профессор разволновался, его глаза увлажнились, и он вытер их большим клетчатым платком. – Четыре года назад мы обвенчались в право-

славной церкви в Бомбее²⁰ и взяли билеты на пароход в Англию. В последние дни перед отплытием Гаянэ стало казаться, что за нами следят, а по ночам ей снился жрец. Я серьезно воспринял ее слова, нанял охрану – рослого индийца, бывшего сипая, и он постоянно дежурил у двери нашего дома. Незадолго до отъезда неотложные дела вынудили меня уехать на какое-то время. – Профессор горестно вздохнул. – Когда я вернулся, охранник лежал у двери дома мертвый – в его шее торчал отравленный шип. Я бросился в дом и увидел Гаянэ, лежащую на полу, в центре нарисованного круга.

Профессор замолчал, на его лбу выступила испарина, и весь его вид говорил о том, что он сильно переживает, будто снова увидел все это наяву.

– Нет, Гаянэ не была мертва, – ответил профессор на немой вопрос Василя. – Но и живой ее нельзя было назвать. Она словно спала, едва дышала. Вызванные лекари подтвердили, что она находится между жизнью и смертью. Они не смогли ей помочь, а мне порекомендовали ждать и лишь уповать на милость Бога, молясь, чтобы Гаянэ очнулась. Я не стал пассивно ожидать, продолжал обращаться как к известным лекарям, знахарям, так и к колдунам, магам. Да, я дошел до того, что обратился за помощью к колдунам! Но все усилия были тщетны. Тогда я повез Гаянэ в Европу, надеясь на современную медицину, но все медицинские светила в один голос твердили, что уже ничего не поделаешь и, если она очнется, будет психически неполноценной, невменяемой. Но я не терял надежды. Денежные средства у меня заканчивались, я устроился на профессорскую должность в Варшавский университет. И вот там судьба свела меня с цыганкой-гадалкой.

Она сообщила мне, что у Гаянэ в результате колдовского обряда похитили душу для того, чтобы вернуть к жизни другое тело, находящееся между жизнью и смертью. Мне вспомнилось, что в таком состоянии пребывала дочь старосты селения мунда после укуса кобры. По-видимому, то, что случилось с Гаянэ, было делом рук жреца-колдуна. Цыганка сказала, что, чтобы вернуть душу Гаянэ обратно в тело, не надо возвращаться в Индию, искать негодяя жреца. Требуется найти некую колдовскую книгу, и только с ее помощью удастся добиться желаемого. Путь к ней может указать человек, обладающий способностями медиума, хотя сам он об этих своих способностях не догадывается. И цыганка довольно точно обрисовала ваш портрет. Вот почему я стал профессором Киевского университета и нашел вас. Ваши сновидения подтверждают правоту слов цыганки, и вы сможете помочь вернуть мне прежнюю Гаянэ. Помогите мне, Василий Иванович! Ничего для вас не пожалею, только помогите вернуть Гаянэ!

Рассказ профессора ошеломил Василя своей фантастичностью, но еще больше его ошеломило то, что педант Черен верит в колдовство, полагает, что можно украсть душу у человека, а потом ее вернуть. И еще то, что он, Василь, может оказаться медиумом, обеспечивающим связь между прошлым и настоящим! Ведь недаром ему снятся удивительные сны о событиях прошлого, имеющие подтверждение в судебных хрониках того времени.

– Профессор, я сделаю все, что в моих силах, – пролепетал Василь.

²⁰ С 1995 года город Мумбаи.

6

Василь вынимал книги из ящиков, скрупулезно осматривал каждую и составлял формуляр, а мысленно то и дело возвращался к рассказу профессора. Увлеченный этим занятием, он не заметил, как в комнату зашел архивариус Игнат Никодимович.

– Василий Иванович, извольте спуститься на первый этаж – там вас ожидает дама.

Василь недоуменно посмотрел на архивариуса. У него не было знакомой женщины, которая могла бы прийти в университет и оторвать от работы. Живя в Киеве, Василь все свои силы отдавал научной карьере, и он был достаточно молод, чтобы позволить себе пока не думать о том, что надо обзавестись семьей. «Кто же это может быть? Катя забыла о своей обиде и приехала?» Ему вспомнился прощальный разговор с Катей перед его отъездом из Нежина. Девушка очень обиделась и даже разревелась, услышав, что Василь пока не видит их совместного будущего, а создание семьи может помешать его честолюбивым планам. Он тогда сказал, что этак лет через пять можно будет об этом поговорить. Выходит, Катя его простила и приехала навестить? Василь почувствовал сладкую истому в груди, как обычно бывает в ожидании чего-то приятного. «Но Игнат Никодимович сказал, что ожидает дама. Катю, юную девушку, барышню, он так вряд ли назвал бы. Неужели Варя? А как же ее муж?» Василь не любил вспоминать о своей первой любви, Варе, нанесшей ему глубокую сердечную рану, которая и сейчас давала о себе знать. «Если это Варя, то как мне с ней себя вести?»

Выйдя в просторный вестибюль, Василь увидел Ангелину, примостившуюся на стуле возле швейцара Прохора.

– Вы? – непроизвольно вырвалось у Василя.

– Здравствуйте, Василий. Решила зайти к вам поблагодарить за помощь и извиниться за неожиданное исчезновение. Вы мне не рады?

– Здравствуйте, Ангелина. Я очень рад вас видеть, просто это так неожиданно... По правде говоря, не думал, что мы с вами когда-нибудь свидимся.

– Киев не такой большой, как кажется. Рано или поздно мы бы с вами встретились на улице, в театре или в парке.

– Возможно, хотя я веду довольно замкнутый образ жизни, почти нигде не бываю.

– Великолепно! – оживилась Ангелина, словно Василь произнес нечто остроумное. – Пригласите меня в театр, например в Городской. Вы не знаете, какой сегодня вечером будут там давать спектакль? У меня есть с собой «Ведомости», в них наверняка об этом говорится.

Ангелина развернула газету.

– Спектакль «Вова-революционер»? Уже от одного названия мне становится дурно – я совершенно не интересуюсь политикой, хотя ею сегодня занимаются все, включая дворников и девиц легкого поведения. Свободный театр тоже не подойдет, представляю, как они фривольно истолковали пьесу Анатоля Франса «Немая жена»! Скорее всего, совсем пошло, наполнив модной безвкусицей! Впрочем, есть нечто любопытное! Василий, вы верите в чудеса?

– Признаюсь, не очень.

– В чудеса надо верить и надеяться на них. В Гиппо-Паласе²¹ сегодня необычное представление. – Ангелина прочитала вслух: – «Европейские знаменитости: братья Зенон и Витольд Сименс, чудеса, одинаковое время на часах у всех присутствующих. Потоп в

²¹ Гиппо-Палас, или Конный цирк П. С. Крутикова, в свое время был одним из крупнейших цирков в Европе. Он был открыт в ноябре 1903 года. В сентябре 1941 года перед отступлением из Киева Красной армией был взорван «как стратегический объект».

театре, вода на сцене, в зрительном зале. Снятие головы и разгуливание без головы по партеру. Единственная гастроль!»

– Смею заверить: скорее всего, это фокусы, иллюзия.

– Не представляю себе, чтобы такое было возможно. – Ангелина лукаво посмотрела на Василя. – Вы приглашаете меня?

– С превеликим удовольствием. Я буду занят на работе до вечера и тогда буду рад с вами встретиться. Так что я вас приглашаю на это представление.

Гиппо-Палас находился на Николаевской улице в двухэтажном изящном здании под стеклянным куполом, примостившемся рядом с двенадцатиэтажным гигантом – домом Гинзбурга. С билетами, как и предполагал Василь, проблем не было – огромный, на две тысячи мест зал мог вместить всех ожидавших чуда. Ангелина приехала перед самым началом представления. На ней был роскошный соболиный полушубок, под ним – длинное, облегающее фигуру и слегка расширяющееся книзу синее вечернее платье с глубоким декольте. На шее сверкало бриллиантовое кольцо, сережки тоже были с бриллиантами. Выглядела Ангелина ослепительно и сразу же привлекла внимание находящихся в просторном фойе мужчин и женщин. Первые смотрели с восхищением, вторые – с завистью и раздражением. Только теперь Василь более внимательно рассмотрел свою спутницу. Ей было значительно больше лет, чем ему показалось вначале, – она давно перешагнула тридцатилетний рубеж. Драгоценности, подчеркивая ее красоту, в то же время выдавали ее возраст. Рядом с ней Василь чувствовал себя неловко в неизменном университетском мундире и мысленно отругал себя за то, что не догадался взять напрокат смокинг. Впрочем, большинство находившихся в фойе были одеты проще, чем Ангелина, – все же военное время давало о себе знать. Ангелина шла, как королева в прожекторах взглядов, перед ней все расступались. Василь чувствовал себя не ее спутником, а скорее пажом, должным удовлетворять ее прихоти.

– Не выпить ли нам, мой любезный друг Василий, шампанского?

Сухой закон, действовавший в Киеве во время войны, с падением самодержавия самоупразднился, теперь вина и напитки покрепче продавались где угодно. Ангелина пила сомнительного качества шампанское мелкими глоточками, словно смаковала французское «Вдова Клико». Василь вообще был противником алкоголя, но он заставлял себя глотать горьковато-кисловатый пузырящийся напиток, не находя в этом ничего приятного. Разговора у них с Ангелиной не получалось, ему все время казалось, что ее мысли витают где-то далеко, как он догадывался, – в прошлом. Прозвучал третий звонок, и они отправились в зал.

– Василий, этот Гиппо-Палас – настоящее киевское чудо! – Ангелина с восторгом смотрела по сторонам, когда они уселись в кресла в амфитеатре. – Ничего подобного нет ни в одном театре. Миллионщик Крутиков на его создание истратил все свое богатство. Зал трансформируется в зависимости от представления. Если это цирковое, как сейчас, – пожалуйста, возникает в центре арена, если театральный спектакль – в конце зала появляется сцена. Ах, сцена, сцена! Вы знаете, Василий, ведь я в прошлом выступала на сцене, и не где-нибудь – в Киевском театре оперы и балета! Была балериной, но, к сожалению, примой-балериной стать не судилось. – Ангелина замолкла, и тень грусти пробежала по ее лицу.

Зал был заполнен на три четверти, но представление все не начиналось. Зрители стали роптать, раздавались возмущенные голоса, потом топот и свист. Шум все нарастал, готовясь превратиться в бурю, заглушая начавший играть оркестр – администрация пыталась с его помощью утихомирить публику. Наконец на арену вышел мужчина в черном фраке и громким, слегка дрожащим голосом сообщил:

– Дамы и господа! Произошло чрезвычайное происшествие: братья Зенон и Витольд Сименс оказались мошенниками и, похитив деньги из кассы, скрылись в неизвестном направлении. О краже сообщили...

В зале начался ураган возмущенных криков и свиста, заглушив дальнейшие слова ведущего, в него стали бросать все, что попадалось под руку, и он поспешно убежал за кулисы. Несколько человек бросились за ним следом. Все сразу ринулись к выходу, устроив столпотворение, словно в зале начался пожар.

– Простите, мой любезный друг, это была моя ужасная ошибка. Мне давно следовало усвоить, что чудес не бывает, их обещание оборачивается обманом.

Василь посмотрел на Ангелину и удивился перемене, происшедшей в ней. Она как-то в мгновение поблекла, даже ее драгоценности, казалось, перестали блестеть.

– Не переживайте так. – Василь попробовал пошутить: – Чудо все же произошло – нас оставили с носом, поманив иллюзией. Зато ведущему не оторвали голову, и потопа в зале не было.

– Вы не понимаете, Василий, – я так жаждала чуда! – жалобным тоном произнесла Ангелина. – Обман, кругом обман!

Когда вышли из Гиппо-Паласа, Ангелина, взяв Василя под руку, тихо попросила:

– Пожалуйста, отвезите меня домой.

Сев в экипаж, Ангелина сказала извозчику:

– В Ирпень!

– Вы живете за городом?

– Что тут удивительного? Там свежий воздух, тишина и... одиночество.

– Это так неудобно – каждый день ездить в город.

– Я живу там более десяти лет, так что уже привыкла. Хотите, я расскажу про свою жизнь?

– Как пожелаете.

Когда в сгущающихся сумерках подъехали к дому Ангелины, Василь невольно залюбовался им. Он был какой-то нереальный, словно сказочный²². Хотя он был одноэтажным, в нем ощущалась необычайная легкость, воздушность. Дом был с мансардой в виде башенки с пирамидальной остроконечной крышей, с балконом, кованными узорчатыми перилами. Накрытие крыльца поддерживали четыре деревянные колонны, украшенные тонкой резьбой. Поражала непредсказуемость архитектурного решения – с каждой стороны дом выглядел по-иному.

– Это настоящее произведение искусства! – восторженно воскликнул Василь. – Кто построил это чудо?

– Идемте в дом, я все вам расскажу и чаем напою.

– Мне, право, неудобно, – заколебался Василь, оглядываясь. Местность была пустынной, лесистой, и лишь вдалеке светились огоньки домов. – Возвращаться довольно далеко, извозчика тут будет сложно найти. А ночь уже на пороге.

– Если барин заплатит щедро, то можно и подождать, – сразу откликнулся кучер экипажа – ему не хотелось возвращаться назад порожняком.

– Здесь рядом есть железнодорожная станция, через два часа будет идти поезд из Ковеля на Киев. Вы им доберетесь до города гораздо быстрее и комфортнее. Прошу вас, Василий, побудьте со мной эти два часа – на душе очень горько и тяжело.

– Как вам будет угодно.

Василь рассчитался с извозчиком и отпустил его. Он ощущал противоречивые чувства: с одной стороны, у него было желание поскорее вернуться в библиотеку и, несмотря на позднее время, поработать. И еще он с нетерпением ждал ночи и – чем черт не шутит – нового

²² Этот дом сохранился до нашего времени, он имеет название «дача Чоколова». Теперь это один из корпусов Дома творчества Национального союза писателей Украины. Его еще называют «дом с привидениями» – призрак любовницы Чоколова изредка напоминает о себе.

удивительного сновидения. С другой стороны, Ангелина у него вызывала острое любопытство. В ней было много странного, к тому же она была владелицей этого удивительного дома.

Подойдя к крыльцу, Ангелина остановилась и попросила Василя зажечь висящий керосиновый фонарь.

– Жаль, что сейчас темно, я хотела бы вам показать с тыльной стороны дома деревянную беседку, от нее идут ступеньки вниз, к пойме реки Ирпень. Летом тут чудесно! – Ангелина почему-то тяжело вздохнула и, поднявшись на крыльцо, ключом открыла дверь.

– Прислуги я больше не держу, живу тут одна.

Войдя в дом, они сняли верхнюю одежду и прошли по длинному коридору мимо двух дверей в просторную гостиную с камином, облицованным изящными изразцами. Ангелина зажгла свечи в двух старинных бронзовых канделябрах, и в комнате сразу стало светлее. Василь заметил две двери, видимо, ведущие в спальни. Дорогая мебель, да и сам дом, говорили о значительном достатке хозяйки, вот только здесь было довольно прохладно.

– Василий, вам будет незатруднительно разжечь камин? Там уже все приготовлено, спички лежат на полочке. А я пойду переоденусь.

Василь разжег огонь в камине и осмотрелся. Его внимание привлекли фотографии на стене. Вот сама Ангелина в наряде балерины, стоит на пуантах. Здесь ей, наверное, лет семнадцать. Вот она постарше, участвует в спектакле. Сценические фотографии чередовались с фотографиями на отдыхе, в путешествиях, ресторанах, иногда попадались групповые фотографии. Но вот его внимание привлекла фотография полного седого мужчины в дорогом костюме, которому явно было далеко за шестьдесят. «Это отец Ангелины?»

– Это мой бывший любовник и благодетель, Иван Иванович Чоколов, бывший гласный городской думы, бывший хороший семьянин, – неожиданно за спиной раздался ироничный голос Ангелины. – Музыкальный эстет и любитель прекрасного. Этот дом, все в нем, включая меня, – его собственность, хотя по бумагам хозяйка я. Даже имя Ангелина не мое настоящее, а сценический псевдоним. Мне казалось, что оно красивее моего.

Василь обернулся. Ангелина стояла почти вплотную к нему, на ней было другое, более просторное, но также глубоко декольтированное платье, на плечи она набросила пуховый платок. В обеих руках она держала по бокалу с темно-красным вином.

– Господин Чоколов – это...

– Это старший брат известного вам Николая Ивановича Чоколова²³. Иван Иванович приметил меня, когда я выступала на сцене. Начал забрасывать подарками, водить по ресторанам, увеселительным заведениям. У балерин очень короткий век, и, как я уже говорила, стать примой-балериной театра у меня не получалось. А возвращаться в нищету у меня не было желания.

– Откуда вы родом?

– Пусть это останется моей тайной – не хочу вспоминать далекое прошлое. Взвесив все, я стала любовницей Иван Ивановича, человека насколько щедрого, настолько и ревнивого. Он построил для меня этот терем.

– Так вот что он мне напомнил! – воскликнул Василь. – Терем, конечно терем!

– В далеком прошлом бояре держали своих жен в подобных теремах, и они никуда не могли пойти. Гаремы у турецких султанов были гораздо роскошнее, и там было общество хотя бы других жен и наложниц господина. В тереме женщина была обречена на одиночество, а общалась разве что со слугами. Вот такую жизнь мне уготовил Иван Иванович. Раньше в доме была прислуга – горничная Авдотья и садовник Григорий. Впрочем, мне грех

²³ Купец, общественный деятель, гласный киевской думы. Благодаря его финансовой помощи был организован рабочий поселок, получивший название «Артельный поселок Чоколова», от него произошло название исторической местности Чоколовка.

жаловаться, Иван Иванович меня очень любил, потакал всем моим прихотям, с ним мы объездили пол-Европы, так что житие в тереме было не очень обременительным. Вот только он не выполнил своего обещания развестись с женой и жениться на мне. В 1913 году он скончался от сердечного приступа.

– Вы его любили? – неожиданно вырвалось у Василя.

– Не знаю, скорее уважала и жалела. Он был очень искренний и добрый человек. После его смерти в театр я уже не могла вернуться – возраст не тот, да и навыки балетные утратила. Мои небольшие сбережения быстро растаяли. Но главное – я влюбилась!

Ангелина подошла к роялю, и только теперь Василь заметил там фотографию молодого мужчины с пышной шевелюрой и дерзким взглядом. На фотографии была траурная ленточка. Василь присел за стол. Эта молодая красивая женщина свободных взглядов манила его, горячила ему кровь, вызывала у него необычное возбуждение. Теперь он понял, почему она показалась ему знакомой. Три года назад у Василя случился в Нежине бурный роман с красавицей Варей. Она была у него первой женщиной. Его удивляло то, что она старалась их отношения сохранить в тайне, придумывая для этого причины. Когда же он решил сделать ей официальное предложение, она призналась ему, что обручена и в скором времени выйдет замуж. Василь был поражен, ведь она много раз говорила, что любит его! Варя разъяснила ему эту пикантную ситуацию так: она любит и Василя, и своего избранника, но разной любовью. Поэтому предпочитает выйти замуж не за Василя. Сердечная рана у Василя долго кровоточила, и он старался забыть, с головой уходя в учебу и работу. Ангелина при внешней несхожести с Варей очень ее напоминала манерой разговора и своим поведением, и его сердечная рана, уже зарубцевавшаяся, напомнила о себе. Все очарование и красота стоящей перед ним женщины поблекли – «Король-то голый!». Василя будто пронзила мысль: «Зачем я здесь нахожусь? Эта женщина опасна и лжива».

Ангелина, увлеченная воспоминаниями и испытывая желание выговориться, продолжила рассказ о своей жизни:

– Все его звали Жорж, хотя его настоящее имя было Гордей. Правда настоящее красивее?

Василь непроизвольно кивнул.

– Жорж был таким же неудачником, как и я. Возможно, это нас сблизило. Поэт, литератор, который так и не стал знаменитым. Он был очень талантлив, но не мог настойчиво идти к своей цели. Он хотел все и сразу. Когда мы познакомились, он был на содержании у одной довольно зрелой дамы, которая обещала дать ему деньги на издание его литературных произведений. Нас закрутило в вихре любви, Жорж ушел ко мне, и это были два самых счастливых года в моей жизни. Когда у меня закончились деньги, Жорж пытался как-то заработать, даже устроился на непродолжительное время на какую-то работу. Затем он все же ушел.

Ангелина отпила глоток вина.

– Я возненавидела Жоржа и нашла себе другого любовника и благодетеля, значительно старше себя, богатого. Не буду называть его имя, это будет неправильно – он жив, здоров и весьма успешен. Это человек совершенно другого склада, нежели Иван Иванович. Этому требовалось только мое тело, и его устраивало то, что я живу довольно далеко от Киева. Но я не могла забыть Жоржа, как и он меня. Мы снова стали встречаться, но уже тайно. Жорж лелеял мечту каким-то образом заработать много денег, и тогда мы смогли бы пожениться. Ах, деньги, деньги! Но ведь любовь гораздо важнее денег!

Все прожекты Жоржа рассыпались в прах, он страшно ревновал меня к моему благодетелю, но ничего не смог поделать – и он, и я привыкли ни в чем себе не отказывать, а это требовало немалых денег. Однажды Жорж пришел ко мне перепуганный, сказал, что задолжал очень крупную сумму, и тут приехал мой благодетель. Скандала не было, но благодетель расстался со мной. Чтобы выручить Жоржа, я заложила этот дом и отдала ему деньги. Жорж

вновь переехал ко мне, стал более оптимистичным, успокаивал меня, говорил, что скоро все образуется и он вернет мне деньги с лихвой... Точно не известно, что произошло, но пять дней назад его нашли с ножом в сердце. Прошел слух, что он не смог расплатиться за карточный долг. Через месяц этот дом опишут, так как я не смогла вернуть ссуду, и я уеду. Очень далеко отсюда. Далеко-далеко. – Лицо Ангелины стало печальным и задумчивым.

– Очень сожалею, – произнес Василь, не зная, как себя вести после столь откровенного рассказа. – Может, вам все же обратиться... к вашему прежнему благодетелю?

– Ах, оставьте, Василий! К нему я никогда не вернусь! – гневно воскликнула Ангелина. – Я хочу отсюда уехать, этот дом проклят! В нем меня окружают мертвецы!

– Пожалуй, уже поздно, мне пора идти на станцию. Как далеко она находится отсюда?

– Я прошу вас, не уходите! – испуганно прокричала Ангелина. – Каждую ночь Жорж приходит ко мне и зовет меня с собой! Месяц назад Жорж сделал мне предложение и вынудил меня поклясться, что я никогда не покину его. Прошу вас, оставайтесь! Сил моих больше нет в одиночестве общаться с мертвецом! С мертвецом-суженым!

Василю сразу вспомнились недавние удивительные сновидения – ведь если даже это были реальные события и люди, то они давно мертвы. Но, судя по состоянию Ангелины, ее сны просто ужасны.

– У вас расшатаны нервы. Мое присутствие здесь этой ночью вряд ли поможет, вам необходимо обратиться к врачу, он назначит успокоительное. Видимо, смерть Жоржа стала для вас очень сильным потрясением.

– Мне показалось, что вы равнодушны ко мне... Неужели вы покинете меня, когда я в таком состоянии? Я вас не волную?

Ангелина подошла к сидящему Василю, наклонилась к нему. Ее тело соблазнительно изогнулось, глубокий вырез платья чуть ли не полностью открыл ее обольстительные груди с набухшими сосками, просматривающимися сквозь тонкую ткань. Ее глаза призывно сияли, алые, чуть влажные уста манили и опасно приблизились к его лицу. Василь заерзал на стуле и вдруг вскочил и быстро отошел на несколько шагов.

– Что же вы бежите от меня, как черт от лаdana? – с обидой произнесла Ангелина.

«Неизвестно, кто из нас черт!» – пронеслось в голове у Василя.

– Мне пора уходить!

– Вам когда-нибудь снились мертвецы, с которыми вы во сне общались, как с живыми? Вы думаете, что я сумасшедшая? – с горечью в голосе сказала Ангелина и, помедлив, тихо добавила: – Возможно, так и есть и вы мне не поможет. Ну что ж, уходите, если я вам безразлична!

– Вам надо самой справиться со своим волнением. Выпейте валерьяновые капли – они помогут вам успокоиться. Сон – это всего лишь сон, и не надо к нему относиться так серьезно.

– Уходите! – истерично выкрикнула Ангелина и отвернулась, желая скрыть слезы. – Если со мной что-нибудь случится, это будет на вашей совести!

– Прощайте! Все у вас будет хорошо. Если вам что-либо потребуется, все, что в моих силах...

Василю было очень жаль эту молодую женщину, но он не считал возможным остаться у нее на ночь. Потакать капризам этого избалованного взрослого ребенка? Чего ради? К Ангелине он не испытывал никаких чувств, кроме сострадания. Да и, ко всему прочему, Ангелина так напоминала предавшую его Варю... Завтра его ожидает очень тяжелый день, надо будет многое успеть, затем ему предстоит уехать с Дмитрием в его поместье. Дмитрию он не сможет отказать, так как это его лучший друг, да и, пожалуй, единственный. К тому же Василю не терпелось оказаться в библиотеке – возможно, удивительные сны снятся только там? Вдруг этой ночью его посетит новое чудесное сновидение? Всем этим он должен пожертво-

вать из-за того, что Ангелине снится нечто ужасное? Но ведь не может же он каждую ночь охранять ее сон!

– Мне от вас ничего не надо! Уходите! Свернете налево и через десять минут будете на станции.

– Надеюсь, эта ночь пройдет для вас спокойно и мертвые не будут сниться.

– Убирайтесь вон! – Ангелина громко разрыдалась, прислонившись к стене коридора. – Как вы не понимаете – однажды Жорж заберет меня с собой!

– Прощайте, Ангелина!

Василь, сжав зубы, чтобы не растаять от женских слез, решительно вышел из дома. До станции и в самом деле было недалеко, пришлось еще чуть ли не час торчать на перроне в ожидании поезда.

7

Спрессованный снег на дороге и морозец поспособствовали тому, что друзья за четыре часа без происшествий доехали до Чернобыля. Василию понравилась езда на автомобиле, несмотря на то, что при движении морозный воздух обжигал лицо, слезились глаза и ему пришлось обмотаться пуховым шарфом, оставив лишь щелочки для глаз. Дмитрию, управляющему автомобилем, было проще – он запасся матерчатой маской для защиты лица, а глаза предохраняли специальные большие очки. Василь никогда не бывал в здешних местах, и ему очень понравился этот лесистый край – лес все время тянулся по обе стороны дороги, лишь иногда просветы открывали просторы полей и села. Все это так напоминало родную Черниговщину! Василя умиляли старинные названия сел, известные ему из древних летописей, и у него возникло ощущение, что с каждым километром он все больше погружается в глубь седых веков.

Городок Чернобыль с заснеженными крышами и деревьями возник неожиданно, и вначале Василь даже подумал, что это очередное село, но Дмитрий сказал:

– Вот мы и приехали.

Большинство домов тут были деревянными и одноэтажными. Автомобиль проехал мимо синагоги, у входа в которую стояли длиннородые мужчины с пейсами и в кипах, затем мимо православной церкви, где звонили колокола, собирая мирян на вечернюю службу, и мимо католического собора, где тоже былолюдно. Василь заметил:

– Городок небольшой, но тут, вижу, живут люди разных вероисповеданий.

– Кого тут только нет! Есть староверы, община «скопцов» и даже раскольническая церковь – в память святого Филиппа, митрополита Московского. Несмотря на такое разнообразие религий, тут весьма спокойно и уютно.

Каменный дом, к которому подъехали друзья, резко отличался от ранее увиденных огромными размерами. Дом имел два флигеля, главный вход украшал римский портик с четырьмя колоннами.

– Какой же это дом – это целый дворец! – воскликнул восхищенный Василь.

– Это и есть дворец семейства Ходкевичей. После ужина я расскажу тебе, почему мой предок переехал на Украину и купил этот дворец, – пообещал Дмитрий и, поднявшись к входной двери, постучал дверным молотком.

Василь вспомнил свои сновидения, и его осенило: «Мария Людвика Ходкевич упоминала о своем имении в Чернобыле. Выходит, она жила в этом доме?»

Им открыла пожилая служанка в белоснежных переднике и чепчике.

– Господи помилуй, паныч приехал! – воскликнула женщина и заохала, чуть ли не ощупывая Дмитрия, словно не верила своим глазам.

– Марыся, сообщите маменьке о нашем приезде и горячий самоварчик быстренько на стол. Я сам разберусь, где раздеться, – скомандовал Дмитрий. – Мы чуть не околели от холода в дороге, по стопке водки нам не помешает!

В этом огромном доме жилым было лишь основное здание, флигеля пустовали и не отапливались. Из прихожей Дмитрий провел Василя в гостиную, обставленную по-городскому. В глаза бросился огромный буфет, где за стеклом красовались фарфоровый сервиз и множество хрустальных бокалов. В углу стоял рояль, крышка клавиатуры была поднята, ноты на пюпитре были раскрыты – видимо, совсем недавно здесь музицировали. Длинный прямоугольный стол, покрытый белой скатертью, был накрыт на четверых, посередине стояла корзиночка с хлебом, прикрытая вышитой салфеткой.

Дверь на противоположной стене открылась, и в гостиную вошли худощавая, очень бледная женщина лет сорока пяти в длинном пышном платье и молоденькая изящная девушка приятной наружности, сразу окинувшая Василия лукавым, насмешливым взглядом.

– Мой товарищ, Василь Хома, – представил Дмитрий своего друга. – Маменька, Зинаида Филипповна.

– Очень приятно познакомиться с близким товарищем сына. – Женщина протянула руку, и Василь, склонившись, поцеловал ее.

– Моя сестра Яринка.

– Ты нас уже знакомил – в университетской библиотеке, – напустила девушка. – Судя по отсутствующему взгляду твоего товарища тогда и недоуменно-удивленному сейчас, еще раз познакомиться будет не лишним. – Яринка шутливо изобразила книксен.

– Прошу прощения, мадемуазель Яринка, больше этого не повторится. – Василь смутился. – Углубившись в работу, я бываю рассеянным и невнимательным к окружающим.

– Абсолютно верно, в работе Василий педант в лучшем значении этого слова.

– Мы не во Франции, так что прошу называть меня просто Яринка, – непринужденно попросила девушка.

– Дмитрий, ты был за рулем? Неужели отец это допустил? – с тревогой в голосе спросила Зинаида Филипповна.

– У отца неотложные дела, последнее время он едва не ночует на работе – ситуация на Украине очень тревожная. Я же окончил курсы вождения, все эти дни практически работал у отца водителем, поэтому он с легкой душой поручил мне съездить за вами.

– Все же это было неразумно с его стороны!

– Как здорово, что ты приехал, милый братик! – Яринка обняла и поцеловала Дмитрия. – Если бы не ты, мы бы отсюда не выбрались.

– Отпразднуем Рождество Христово, погуляем на Святки и не спеша отправимся в обратный путь.

* * *

Обед закончился, когда за окном стемнело, и лишь снег отсвечивал мертвенной синеватой белизной. Василь напомнил товарищу:

– Дмитрий, ты обещал рассказать историю о том, как твой предок приобрел дворец Ходкевичей.

– Хорошо, пойдем в мою комнату – я тебе кое-что покажу.

Дмитрий взял керосиновую лампу, провел Василия по полутемному коридору в самый его конец и открыл дверь в небольшую комнату. Даже при недостаточно ярком свете лампы Василь, беглым взглядом осмотрев ее, понял, что она совмещает в себе кабинет ученого и, судя по широкой деревянной кровати, над которой когда-то был балдахин, спальню. У стены стоял высокий книжный шкаф, под самый потолок. Чтобы добраться до верхних полок, требовалась стремянка, она в сложенном виде находилась здесь же. У окна стоял массивный двухтумбовый письменный стол, на котором аккуратными стопками были сложены книги и листы белой бумаги. В углу на темной тумбе белела мраморная скульптура женщины полметра высотой. Дмитрий подошел к скульптуре поближе, освещая ее, и Василь заметил над ней небольшой портрет улыбающейся девушки в золоченой рамке. Девушка стояла вполоборота, показывая ниспадающие на спину завитые рыжие волосы, длинную изящную шею, бархатистую, словно светящуюся изнутри кожу обнаженного плеча. Гармоничные черты прекрасного лица, живые голубые глаза, в глубине которых пряталась грусть, и в то же время взгляд был изучающим, будто она спрашивала у смотрящего на нее: «С чем ты пришел? Можно тебе верить?»

Василь ощутил, что его бросило в жар, и он невольно отвел глаза, словно встретился взглядом с живым человеком. Сердце выскакивало из груди, еще никогда он не ощущал ничего подобного, глядя на портрет или картину. Мастерство художника поражало, будто он не только написал портрет, но и вдохнул в него жизнь.

– Вот она, княгиня Розалия Любомирская из Ходкевичей, – сказал Дмитрий. – Виновица того, что мой предок, шевалье Шарль де Виржи, младший сын графа Анри де Виржи, покинул Францию и купил этот дом у вдовы, пани Марии Ходкевич, за баснословно высокую цену. До этого дом простоял пустым целых полтора десятилетия, так как графиня построила новый дворец в местечке Млынов.

– Выходит, у тебя аристократические корни, – пробормотал Василь, еще не придя в себя. У него даже возникло ощущение, что лицо молодой женщины на портрете ему хорошо знакомо.

– За добрую сотню лет французская кровь неоднократно смешивалась с украинской, так что очень трудно вычислить, на сколько процентов я являюсь французом. Моя маменька, Зинаида Филипповна, была единственной дочерью Филиппа Девиржи, последнего мужчины из этого рода, и, когда сочеталась браком с моим отцом, поставила условие: чтобы род де Виржи не был забыт, их будущий сын, то есть я, будет носить двойную фамилию. Поэтому мои отец и сестра носят фамилию Кожушко, а моя маменька и я – Кожушко-Девиржи.

– Как я догадываюсь, отношения красавицы Розалии Любомирской и твоего предка, Шарля де Виржи, были не столько романтичны, сколько трагичны? Нечто сродни любви Ромео и Джульетты?

– Их любовная история не похожа на известную трагедию Шекспира. К тому времени как Розалия познакомилась с Шарлем, она была замужем за князем Александром Любомирским, генералом, весьма известной личностью. Розалия родила от него двух прелестных малюток. Судьба случайно свела Любомирскую и де Виржи, это случилось потому, что она в то время проживала во Франции. Но если ты предположишь, что их история напоминает описанную в известном романе Льва Толстого «Анна Каренина», то опять попадешь пальцем в небо.

– Я не буду искать аналогии в литературе, пока не услышу твой рассказ.

– История довольно длинная. – Дмитрий на мгновение задумался, но тут же его лицо просияло. – У меня возникла мысль: ты не только услышишь от меня эту историю, но и поможешь мне.

– Дмитрий, перестань говорить загадками!

– Василь, должен тебе признаться: меня очень привлекает литературное творчество, со многими моими стихотворениями ты знаком. Хочу попробовать себя и в прозе. Я описал историю Шарля де Виржи, получился небольшой роман, вот только никак не могу придумать концовку. Прочитай, мой друг, и помоги добрым советом.

– С удовольствием прочитаю, но не могу обещать, что помогу. Я историк, а не литератор, не беллетрист и уж тем более не критик.

– Достаточно будет того, что ты откровенно поделишься своими впечатлениями о прочитанном, возможно, это мне поможет.

– Дай бог!

Дмитрий подошел к столу, ключом открыл ящик и достал оттуда стопку исписанных листов.

– Вот мой труд. Шарль де Виржи оставил после себя разрозненные записи, я использовал их при написании романа. Так что описанные мною события – не мой вымысел. Название роману я тоже пока не придумал и в этом полагаюсь на тебя.

– Буду рад, если смогу чем-нибудь помочь. – Василь нетерпеливо посмотрел на первый исписанный лист с заглавием «Франция, 1793–1794 годы».

– Пожалуй, я пойду, а ты располагайся здесь. Позже подойдет Марыся и перестелет постель. Не вздумай лечь спать – через пару часов будет легкий ужин.

– Благодарю, но обед был очень сытным, и после него прошло совсем мало времени.

– Возражения моя мама не принимает, не забывай – она из рода де Виржи, у которого девиз был «Не уступающий!».

Как только Дмитрий покинул комнату, Василь сел за стол и начал читать рукопись.

Ночная пора – не лучшее время для прогулок, тем более под холодным морозящим дождем, и особенно в беспокойный час революционных перемен. Редкие «голландские»²⁴ фонари едва рассеивали ночной мрак: революционная целесообразность вынуждала экономить на всем, в том числе и на освещении улиц, затее «короля-солнце»²⁵. По затихшему, сонному, словно вымершему городу едва слышно, будто боясь потревожить сон горожан, шли двое. Закутанные в черные плащи, делающие их фигуры почти квадратными, в одинаковых шляпах с высокими тульями, они отличались лишь ростом. Тот, что был пониже, предводительствовал в этой паре, он явно хорошо ориентировался в паутине зловонных узких улочек и переулков. Они обходили стороной широкие улицы и площади, где уличное освещение было несколько лучше, их не пугали расплотившиеся грабители-стервятники, обуреваемые жаждой наживы и славы Картуша²⁶, рыщущие в ночи в поисках добычи. Лишь встреча с патрулем национальной гвардии, обеспечивающей ночное спокойствие парижан, была им крайне нежелательна, ведь в этом случае вполне можно было оказаться в городской тюрьме.

Финансовая политика королевского правительства, приведшая к увеличению налогов и ухудшению жизни низов, стала причиной социальных бунтов и созыва Генеральных штатов²⁷, где уже были представлены все сословия. Стремление аристократии ограничить власть короля, преобразовав монархию в конституционную монархию, для чего тайно подогревалось недовольство низов и поддерживались его выступления, закончилось стихийной народной революцией, у которой нашлись свои трибуны недворянского происхождения. Национальный конвент принял постановление об отмене монархии, была провозглашена республика. Король Людовик XVI был низложен, арестован и казнен. Его семья находилась в тюрьме, начался судебный процесс над его супругой – ненавистной «австриячкой» Марией-Антуанеттой. Сын короля Людовик, по рождению наследник престола, был отдан в семью сапожника, где его должны были приучить к физическому труду. По всей стране шла охота на тех, кто еще недавно был у власти, на аристократов.

Принятый Конвентом закон о подозрительных позволял арестовать и отправить на гильотину любого дворянина лишь за его происхождение, руководствуясь революционной целесообразностью. Это помогало молодой республике решать экономические проблемы: реквизированные имения и ценности казненных шли на содержание огромной армии, одновременно сражавшейся с австрийскими и прусскими войсками и подавлявшей мятеж в Нормандии.

Ночные путники, проходя возле приземистой церкви Святого Дионисия, привычно перекрестились. Тот, который был ниже ростом, громко горько вздохнул и не смог не возмутиться:

²⁴ Имеется в виду масляная лампа Яна ван дер Хейдена.

²⁵ Людовик XIV де Бурбон создал государственную службу освещения улиц, действующую и в наше время.

²⁶ Известный разбойник, промышлявший в Париже, его образ впоследствии был романтизирован.

²⁷ Во Франции высшее сословно-представительское учреждение в 1302–1789 годах. Генеральные штаты являлись совещательным органом, созываемым по инициативе королевской власти в критические моменты для оказания помощи правительству.

– Все церкви разорены, колокола переплавлены в пушки, а Эбер²⁸ с «бешеными» повадился проводить в них атеистические оргии, оскверняет святые места!

– Дядюшка Рене, у меня такое чувство, что с тех пор, как я уехал отсюда, прошла вечность. Я не узнаю Парижа.

– Здесь прошла вся моя жизнь, а теперь я сам его не узнаю. Ныне Париж напоминает мне зловещее чудовище, затаившееся во мраке, готовое в любой момент наброситься на тебя и растерзать. Раньше парижане остерегались ходить по улицам ночью, а сейчас днем творятся вещи похуже, чем когда город в ночное время переходил во власть обитателей Двора чудес²⁹.

– Я предполагал, что после того, как славная патриотка Шарлотта Корде кинжалом убила Марата³⁰, это кровавое чудовище, здесь стало спокойнее.

– Ошибаешься, результат оказался противоположный – влияние якобинцев лишь возросло. Им удалось изгнать из Конвента правительство жирондистов, и даже Дантон оказался не у дел. Раньше Францией правил триумвират, а теперь вся власть у «неподкупного» – Робеспьера, провинциального адвокатишки, который волею толпы вознесся на вершину власти! Благодаря ему и якобинцам, гильотина на площади Луи XV³¹ работает без устали.

– Я рассчитывал задержаться здесь на несколько дней, окунуться в шумную и веселую парижскую жизнь, по которой в провинции весьма соскучился, но вижу, что от нее остались одни воспоминания. Так что в ближайшее время я отправлюсь к маркизу де Лескюру³².

– Шарль, это разумное решение, сейчас не до веселья. Париж – это громадная ловушка для таких, как мы, людей благородных кровей – на нас словно проставлены метки смерти. Однако, поверь мне, старому воину, война совсем не такая, какой ты ее представляешь. Это не только сражения, где рискуешь жизнью и должен первым нанести смертельный удар, чтобы не получить его от противника. В основном война – это вши, плохая еда, ужасные условия существования, общение со всяким сбродом. Все же более почетно погибнуть в бою, чем оказаться обезглавленным на потеху плебса, дорвавшегося до власти.

– Дядюшка, почему вы остаетесь здесь, а не уедете в одно из ваших имений?

– Здесь не так весело, как в прежние годы, и совсем не безопасно, но это – Париж! – с грустью в голосе ответил Рене.

Впереди послышались хриплые голоса и неясный шум. Путники едва успели спрятаться за углом здания, как из переулка вышло с полдюжину вооруженных ружьями солдат под предводительством офицера в треуголке и подпоясанного трехцветным шарфом национального гвардейца. Патруль прошел совсем близко, но не заметил затаивших дыхание и старающихся слиться с темнотой путников. Только когда шум, производимый патрулем, совсем стих, они продолжили движение.

– Будет ближе и безопаснее, если мы пойдем через парк Пале-Рояль³³, – предложил дальнейший маршрут движения Рене.

²⁸ Жак-Рене Эбер – деятель Великой французской революции, придерживался крайне левых взглядов, издавал газету «Папаша Дюшен».

²⁹ В Средневековье так назывались несколько парижских кварталов, населенных бродягами, нищими, падшими женщинами и поэтами. Там организовывались банды, которые под покровом темноты совершали разбойные нападения и убийства. Полностью эти злочастные места были ликвидированы лишь в середине XVIII века.

³⁰ Лидер якобинцев во времена Великой французской революции.

³¹ Во время Великой французской революции она была переименована в площадь Революции, ныне это площадь Согласия.

³² Один из вождей Вандейского восстания роялистов.

³³ Площадь, дворец и парк, расположенные напротив северного крыла Лувра. Вначале это была резиденция кардинала Ришелье, затем Мазарини, позднее она перешла к герцогам Орлеанским.

– Дядюшка, помнится мне, герцог Орлеанский превратил эти чудесные парк и дворец в клоаку разврата, там теперь слишкомлюдно, – возразил Шарль. – Ришелье и Мазарини восстали бы из гроба, узнав, что произошло с их резиденцией!

– Шарль, так было раньше, а сейчас там тихо, как на кладбище ночью. Большинство увеселительных заведений и казино закрыты. Да и на что играть? Граждане обязаны сдать на нужды Республики золото и серебро, чтобы взамен получить бумажки, которые ничего не стоят, а те, кто не сдаст, вполне могут оказаться в тюрьме. Закрыли даже Театр комедиантов³⁴. Сам гражданин Филипп Эгалите³⁵ не далее как вчера был арестован и брошен в тюрьму Консьержери. Что его ожидает, известно любому мальчишке из предместья, – гильотина.

– Ну и поделом предателю! – Шарль с презрением сплюнул под ноги. – Ведь именно герцог-гражданин приложил немало усилий и потратил кучу золота, чтобы выпустить на волю ужасного зверя по имени революция, тайно вооружив пиками чернь и гризеток из Сент-Антуанского предместья. Напрасно он считал, что зверь станет кушать с его руки и все рычаги власти будут у него.

– Дикий зверь пожирает все кругом, не удовлетворившись предназначенными ему подачками. Нет сомнений, что революция, это кровожадное чудовище, сожрет всех, кто высвободил его, а потом съест и себя.

Шарль вспомнил старинную гравюру, изображающую гигантскую змею, которая пожирает саму себя с хвоста. Издалека бросив взгляд на печальную громаду дворца, еще несколько лет назад постоянно ярко освещенного, праздничного, путники вновь углубились в лабиринт бесконечных улочек, где порой даже трудно было протиснуться между стенами домов и существовал риск быть облитыми помоями или, и того хуже, содержимым ночных горшков. И только выйдя на широкую улицу Святого Мартина, они смогли с облегчением вздохнуть. Уже через десять минут они стояли перед особняком на улице Святого Антония. Впрочем, улицы больше не назывались именами святых, теперь у них были более прозаические названия, которые Шарль даже не пытался запомнить.

За железными решетчатыми воротами виднелся аккуратный дворик с английским газоном и приземистый одноэтажный дом с двумя флигелями и четырьмя колоннами перед парадным входом. Здесь, как и в соседних домах, было темно и пустынно. Рене уверенно взялся за кольцо и негромко стукнул четыре раза. Шарль вздрогнул, так как привратник, закутанный в темный плащ, неожиданно возник за воротами, словно его соткали из холодного ночного воздуха.

– Что вам нужно, граждане? – Настороженно разглядывая ночных гостей, привратник деланно зевал, всем своим видом изображая недовольство разбуженного человека.

– Вандея, – произнес Рене условленное слово.

– Входите, господа. – Привратник бесшумно открыл ворота и сразу же закрыл их за вошедшими, а те быстрым шагом направились к входу в левый флигель.

– Прошу ваши шляпы и плащи, господа.

Шарль отдал ему и трость, и привратник не удивился ее необычной тяжести, сразу сообразив, что в ней скрыт длинный стилет. Сюртук Шарля был подхвачен ремнем, на котором висели две кожаные кобуры с пистолетами.

– Вы как будто собрались на войну, господин.

– А разве сейчас не война?

³⁴ Театр Комеди Франсез был создан по указу Людовика XIV. Здание для него было возведено на месте части дворца Пале-Рояль. В сентябре 1793 года театр был закрыт декретом революционного Комитета общественного спасения, а актеры заключены в тюрьму.

³⁵ Герцог Орлеанский, первый принц крови, поддержал Великую французскую революцию, отказался от титула и стал обычным гражданином. За то, что его сын был замешан в заговоре против революции и покинул страну, был арестован и казнен.

– Оружие все же прошу сдать. Не беспокойтесь, господин, у нас спокойно.

– Шарль, пистолеты тебе не понадобятся – здесь собираются только проверенные и надежные люди, – поддержал привратника Рене.

Сняв плащ, Рене оказался весьма полным господином средних лет, в светлом парике на шарообразной голове. Шарлю, племяннику Рене, шел двадцать четвертый год, он был крепкого телосложения, но по-юношески гибок, лицо его было красивым и гармоничным, как у древнеримской статуи.

Шарль, горя нетерпением оказаться в гостиной, снял ремень с пистолетами. Он был из знатного и богатого семейства де Виржи, владеющего поместьями и замками в Аквитании. Пять лет назад отец представил его ко двору, и очаровательная принцесса де Ламбаль, покровительственно улыбаясь, сказала, что он словно ожившая скульптура Давида гения Микеланджело. Тогда Шарль покраснел, хотя и не понял, что скрыто в ее словах – восхищение или насмешка? Впоследствии он съездил в Италию, чтобы самому взглянуть на эту скульптуру. Внезапно ему вспомнилась завитая и напудренная голова принцессы на острие пики мясника Гризона во время сентябрьских событий прошлого года³⁶, и он вздрогнул.

Воспоминания жгли нестерпимой болью и стыдом. В то время Шарль снимал апартаменты на улице Метельной, возле тюрьмы Ла Форс, и невольно стал свидетелем тех ужасающих бесчинств. Он стоял у окна на втором этаже, слегка отодвинув плотную портьеру, чтобы не привлечь внимания орущей, похотливо хохочущей толпы. Несчастная принцесса, поднятая множеством рук, служила им забавой. Несмотря на перенесенные унижения и страдания, принцесса была еще жива и тщетно пыталась хоть как-то прикрыть остатками одежды почти полностью обнаженное прекрасное тело. Долг дворянина требовал от Шарля, вооружившись, выйти на улицу и попытаться отбить у толпы царственную особу, даже ценой своей жизни. Но он смалодушничал, продолжая стоять у окна, ища оправдания своему бездействию. Принцессу опустили на землю, заставили встать на колени, мясник схватил ее за волосы и одним движением огромного ножа отсек ей голову, подобно тому, как проделывал это с тушами коров. Держа за волосы голову несчастной принцессы, мясник Гризон ревел от восторга, а люди вокруг него танцевали и пели карманьолу, превращая обезглавленное туловище в кровавое месиво.

Эй, спляшем карманьолу! И пушек гром, и пушек гром...Эй, спляшем карманьолу! Раздастся пусть кругом!

Мяснику этого было мало, зайдя к цирюльнику, он потребовал завить и напудрить волосы на голове любовницы королевы. На следующее утро Шарль уехал в свое поместье, не надеясь, что когда-нибудь вернется в Париж.

Лакей провел господина Рене и его племянника в просторную гостиную, где по традиции нового времени были плотно зашторены окна, чтобы не было видно, что хозяева особняка ночью бодрствуют, а то и, не дай бог, принимают гостей. Это сразу же вызовет подозрение, а могут и арестовать. Новая власть, несмотря на огромную армию, жандармерию, национальную гвардию, бесчисленное количество доносчиков и соглядатаев, выискивающих роялистов, еще не чувствовала себя уверенно. За длинным овальным столом, освещенным свечами, собралось человек десять, в большинстве своем это были мужчины. Один из присутствующих, полный господин в светлом парике, поднялся, вышел из-за стола и быстрым шагом направился к вошедшим, раскрыв объятия:

³⁶ В сентябре 1792 года подстрекаемые якобинцами под предводительством Марата вооруженные толпы ворвались в тюрьмы и устроили самосуд над арестованными аристократами и швейцарскими солдатами. Изошренным издевательствам подверглась принцесса де Ламбаль, которую подозревали в интимных связях с королевой Марией-Антуанеттой.

– Дорогой Рене! Я рад, что ты пришел. Мы уже беспокоились, не случилось ли чего по дороге.

– Рад видеть вас, маркиз, в полном здравии, – сказал Рене, оказавшись в его объятиях. – Господа, имею честь представить моего племянника, младшего сына моего брата, шевалье Шарля де Виржи.

Шарль поклонился. Как только он вошел в гостиную, его взгляд приковала к себе светловолосая красавица лет двадцати пяти в парчовом платье с открытыми плечами, сидевшая во главе стола. Она покровительственно улыбнулась ему. Обволакивающий, манящий взгляд красавицы заставил затрепетать сердце Шарля. «Это она! Она! Она, та самая единственная!» – забились мысли, словно птица в силках. Ощувив, что покраснел, он смутился и отвел взгляд. Никогда ничего подобного с ним до этого не случалось.

– Проходите, друзья, мы рады, что вы благополучно добрались. Рене, присаживайся к столу, я сам познакомлю с гостями твоего племянника.

Маркиз подвел Шарля к красавице, смутившей его, и назвал ее:

– Княгиня Розалия Любомирская, прелестная хозяйка этого гостеприимного дома.

Шарль поклонился княгине, ощущая неловкость и скованность. Он не понимал, почему с ним это происходит. Красавчик и богач Шарль был избалован вниманием женщин, но никогда не ощущал такую эйфорию. Розалия Любомирская одним лишь взглядом, словно стрелой Амура, поразила его сердце, сделала своим рабом, и он был готов на все, лишь бы оставаться с ней рядом. Средоточием всех его планов, желаний, устремлений в одно мгновение стала красавица хозяйка, милостиво протянувшая ему ручку. Тело Шарля будто одеревенело, почти не слушалось его. Ощущая себя неуклюжей деревенщиной, краснея, он припал к ручке прелестницы, и у него перехватило дыхание, как только он слегка коснулся губами атласной кожи.

– Рада нашему знакомству, шевалье³⁷.

Шарль с ужасом понял, что в ответ ничего не сможет сказать княгине, так как из-за смущения лишился дара речи. Положение спас его дядя:

– Разрешите и мне припасть к вашей ручке, прекрасная Розалия.

Рене наклонился к руке красавицы и поцеловал ее явно с большим удовольствием.

– Имеете ли известия от вашего дорогого супруга? Хочу просить вас ходатайствовать перед князем Александром за моего племянника. Шарль желает отправиться в Вандею и принять участие в сражениях. Я же ответственен за его жизнь и здоровье перед братом и считаю, что ему лучше узнать армейскую жизнь под началом имеющего богатый военный опыт князя Александра.

В висках у Шарля застучали молоточки. «У нее есть супруг, который каждую ночь может наслаждаться ее прекрасным телом!» От этой мысли Шарль чуть не упал в обморок.

– Как вы, наверное, слышали, граф, лихорадит не только Францию, но и Речь Посполитую. После сейма в Гродно³⁸ значительная часть многострадальной Речи Посполитой отошла Пруссии и России. Князь покинул французскую армию и направился ко двору императрицы Екатерины, так как часть его владений теперь находится на территории России.

– В таком случае разрешите отдать эти письма вам, княгиня. – Шарль, почувствовав себя уверенней, вынул из внутреннего кармана сюртука пакет и с трепетом отдал красавице. Та приняла его с небрежным изяществом, позвонила в колокольчик и передала пакет лакею.

– Смею заметить, молодой человек, ваш отец далек от того, что сейчас происходит во Франции, – заявил краснощекий господин в темном камзоле. – Ныне нет патентов на

³⁷ Так называли младшего сына в дворянских семьях, если он не имел иных титулов.

³⁸ В 1793 году произошел второй раздел Речи Посполитой между Россией и Пруссией. Конвенция о разделе была утверждена на Гродненском сейме.

армейский чин, а ваше происхождение будет скорее препятствовать получению его, даже если вы проявите себя в армии с лучшей стороны. Да и с кем и за кого вы собрались воевать? Прусская армия нам больше друг, чем враг.

– Отцу все это известно, – неприязненно глядя на него, сказал Шарль, – как и то, что генерал Любомирский имел намерение вернуться в Польшу. Отец хотел, чтобы я сопровождал князя, но, видит бог, дорога сюда неблизкая, и я опоздал. Ни у отца, ни у меня нет желания поддерживать нынешнюю власть. Скорее всего, я отправлюсь в Нормандию, под знамена графа Шартского.

– Месье шевалье, присаживайтесь к столу. Отужинайте с нами, вы ведь с дороги.

– Благодарю вас, княгиня, но я не голоден.

– Полно, месье шевалье, не обижайте меня, обязательно попробуйте баранье рагу и выпейте бургундского вина. А я пока представлю вам присутствующих здесь господ и дам.

Княгиня называла имена, титулы, а Шарль упивался мелодичностью ее голоса, не слыша, что она говорит. Его никто не интересовал, кроме княгини Розалии. Внезапно голос одного из господ, худого и мрачного, с ришельевской бородкой, проник в его сознание:

– Шевалье, подумайте, стоит ли вам отправляться в Нормандию? Патриотично сражаться в лесах вместе с этим сбродом, санкюлотами, ожидая высадки наших союзников-англичан, но победа в большей степени зависит от наших действий в Париже. Король Людовик XVI казнен, но его сын жив и находится в заключении в Тампле. Герцог Анжуйский уже провозгласил его королем, Людовиком XVII. Не желаете ли принять участие в освобождении королевы и малолетнего короля? Это не менее опасно, чем участвовать в сражении. Нам нужны решительные люди!

Шарль услышал для себя главное – у него появилась веская причина остаться в Париже и находиться вблизи княгини Розалии.

– Я сочту это за честь. Что я должен буду сделать?

– Похвальна ваша горячность и верность престолу, – одобрил его решение мужчина с ришельевской бородкой. – Пока вам надо набраться терпения. Мы разработали план побега королевы, но он несовершенно. Если наш план не сработает, королева и малолетний король подвергнутся смертельной опасности.

– Достаточно того, что из-за неразумных действий маркиза де Ружвиля королева не смогла сбежать, – вновь включился в разговор мрачный господин, неприязненно глядя на мужчину с ришельевской бородкой, – и теперь прокурор спешно выдвигает обвинения против нее. Приняты чрезвычайные меры по ее охране. В тюремной камере Консьержери вместе с ней постоянно находятся два жандарма, которые по очереди спят прямо там, в камере. Нет сомнений в том, что королева взойдет на эшафот, как и ее несчастный супруг.

– Неужели ничего нельзя сделать для спасения королевы? – поразился Шарль.

– Увы, шевалье! – горестно вздохнула княгиня. – Единственное, чем мы можем облегчить ее страдания, – это дать ей знать, что ее сын находится в безопасном месте.

– Располагайте мною, княгиня! – с горячностью воскликнул Шарль. – Я все сделаю, только прикажите!

– Я вам приказываю отведать бараньего рагу! – пошутила княгиня.

– Где вы остановились, шевалье? – поинтересовался мрачный господин, и Шарль пожалел, что был так невнимателен, когда ему представляли гостей.

– На постоялом дворе в предместье, возле Горы Мучеников³⁹.

– Разумнее будет снять квартиру. Постоялые дворы, отели находятся под пристальным вниманием соглядатаев Комитета общественного спасения. В этом мы вам поможем. Не правда ли, Луиза? – обратился он к молодой женщине в зеленом платье.

³⁹ Монмартр.

У нее на устах заиграла странная усмешка, когда она посмотрела на Шарля.

– Обязательно поможем. Шевалье – красавец, жаль, если он отправится на площадь Революции к «брадобрею» при «национальной бритве»⁴⁰ Сансону.

Шарль покраснел от такого признания его внешних достоинств и попытался перевести разговор на другую тему:

– Что происходит в Париже? Я прибыл вечером, и дядюшка мало что успел рассказать мне по дороге сюда.

– Что происходит? – Луиза рассмеялась. – Мир сходит с ума, и мы вместе с ним. Одни, вроде нас с вами, строят из себя заговорщиков, разрабатывая несбыточные планы...

– Луиза! – прикрикнул на нее мрачный господин, но она не обратила на него внимания.

– Другие затаились, как мыши в амбаре, в ожидании революционной кошки. Третьи, самые умные, развлекаются как могут. Про салон маркизы де Верьер вы наверняка слышаны.

– Луиза, это неприлично, – мягко запротестовала княгиня.

– Ах, оставьте, Розалия, об этом гудит вся Франция, а вы считаете, что говорить об этом неприлично? – Луиза снова рассмеялась. – Госпожа де Верьер устроила вечеринку, на которую были приглашены дамы и кавалеры. И, когда все собрались, вот что она заявила: «Друзья мои, может быть, завтра мы умрем. Умрем, не вкусив всех удовольствий и радостей жизни. Я подумала, что некоторые из вас сожалеют, что им, возможно, придется уйти в мир иной, не воздав телу того, что ему причитается. Перед тем как сгореть, нужно все познать. Пусть каждый из вас сделает свой выбор, пусть мужчины обладают женщинами, которых давно вожделеют, пусть женщины отдадутся мужчинам, которых тайно желали».

– Зачем вы так, Луиза? Это удовлетворение похоти не имеет никакого отношения к высоким чувствам, – недовольно произнесла княгиня.

– Любовь иногда надевает разные маски, – сказала женщина в зеленом. – Все с радостью отбросили предрассудки и заняли кровати и не всегда укромные места. Госпожа де Верьер не заметила, что во время любовных игр дергала за ленточку, тем самым вызывая прислугу. Появившиеся лакеи застали ее в постели с двумя или тремя кавалерами...

– Фу, как гадко! – воскликнула княгиня.

– Разгневавшись, госпожа де Верьер их тут же уволила. Утром всю эту компанию арестовали, а к обеду отвезли на гильотину. При этом госпожа де Верьер смеялась.

– Подобные случаи обливают грязью аристократов Франции, дают повод для насмешек черни! – возмутился круглолицый господин.

Шарлю припомнилось, что княгиня назвала его виконтом, только он не запомнил имени.

– Луиза, лучше спойте нам. Я вам буду аккомпанировать, – предложила княгиня. – Господа, что вы желаете услышать?

– «Дождь идет, дождь идет, моя пастушка...» Что может быть лучше и злободневнее? – с издевкой произнесла Луиза.

– Романс гнусного и развратного актеришки Д'Фабра, который сейчас заседает в Конвенте? – с негодованием воскликнул толстяк, имени которого Шарль тоже не запомнил, лишь его титул – маркиз.

– Относительно личности автора я не буду с вами спорить, но романс довольно хорош, – мягко возразил барон де Леруа, мужчина лет пятидесяти с холодными глазами, который постоянно шурился.

Шарль, так и не отведав рагу, вместе с другими гостями направился к роялю. В его голове царил настоящий сумбур, он как бы раздвоился. Одна часть его твердила: «Розалия,

⁴⁰ Имеется в виду гильотина.

я вас люблю и сделаю все возможное и невозможное, чтобы вы стали моей. Знаю, что даже думать об этом неприлично, но это выше моих сил. Никогда в моей душе не бушевал такой испепеляющий огонь любви!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.